

Надежда Первухина

Любовь - это Роза и Христ

эротическое фэнтези

Надежда Валентиновна Первухина

Любовь – это розы и хлыст

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63839138

Аннотация

Норма Азиттизи – дочь знатного вельможи Старой Литании – слишком рано узнает о тайнах отношений мужчин и женщин. Она совершает убийство отнюдь не прекрасного принца и за это лишается знатности, дома, наследства и надежды на счастливую жизнь. Норма Азиттизи становится узницей пансиона для «исправления» знатных девочек и сталкивается с самыми темными, самыми жестокими сторонами жизни. Норма презирает мужчин и верит, что ее возлюбленный – это сверхъестественное существо, которое может быть и человеком, и кораблем, плывущим в неизведанные миры и пространства. Она клянется ему в верности, но однажды в пансион приезжает знатный гость – гениальный юноша Микелардо. Норма и Микелардо встречаются взглядами... И начинается невероятное.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	20
Глава третья	36
Глава четвертая	58
Глава пятая	73
Глава шестая	89
Глава седьмая	112
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Надежда Первухина

Любовь – это роза и хлыст

*Мир наш для них – смешон.
Ю.Мамлеев. Люди могил*

*...Вы слишком многого хотите
для этой маленькой Вселенной.
Ю. Мамлеев. Дорога в бездну*

Глава первая

Память – это, прежде всего, дорога. Но когда проходишь ее вновь и вновь, ища в ней следы своего существования, она имеет свойство жестоко запутывать и морочить.

Я пытаюсь всего лишь вспомнить себя.

Слезы. Отчаянный плач – вот первое, что вспоминается мне, когда я представляю себя ребенком.

Моя жизнь началась с первым ударом погребального колокола.

То был день похорон моего отца – кавальери Томмазо Азиттизи, великого суверена и первого приближенного короля Альфонсо Светоносного. Отец, подобно всем мужчинам нашего высокородного семейства, должен был обрести вечный покой в прихрамовой усыпальнице из черного

мрамора, где уже стояли ровными рядами каменные гробы прежних владельцев Пьетро-делла-Чьяве. В последний путь дона Томмазо провожал сам король и знатнейшие суверены Старой Литании. Погребальная процессия, над которой мерно колыхались приспущенные знамена, двигалась из замка в Рощу смерти, отделенную от жилых построек мелководной речкой Габьяной. Среди провожающих не было ни одной женщины, дабы не омрачать торжественности момента плачем и другими выражениями слабости. Даже жену покойного кавальери – домину Катарину – не пустили проводить супруга. Впрочем, если б она и получила разрешение следовать в кавалькаде, то все равно бы не смогла.

Ибо она в это время рожала меня.

Как я узнала годы спустя, родовые схватки у моей матери случились раньше, чем положено. Совершенно раздавленная смертью мужа, домина Катарина в безрассудстве попыталась броситься с замковой стены, однако служанки ее удержали и перенесли в покои, где у матери отошли воды, и через несколько часов повитуха приняла меня – жалкий комочек окровавленной плоти.

– У вас родилась дочь, госпожа, – сказала она, но мать лишь слабо повела рукой, словно отгоняя меня, и закрыла глаза. Повитуха перевернула меня вниз головой и крепко шлепнула по задку, и от этой первой обиды, нанесенной мне миром, я завопила во всю мощь легких.

А колокол звонил, разнося по всем нашим землям весть

о внезапной кончине господина. И конечно, в этой великой скорби не было места для радости по поводу рождения какой-то девчонки.

Мой отец уже избрал наследника всех своих богатств – это был Франко – мой старший брат. Среднему – Фичино – приходилось смириться с тем, что из роскошных земель, принадлежащих роду Азиттизи, ему будет отведена лишь треть и то, если он подвигами во имя короны докажет свою состоятельность. Мне же – девчонке – полагалось лишь расти и ждать, когда меня кто-нибудь сосватает и увезет из родного кастелло.

Первые недели и месяцы моей жизни покрыты густым мраком, из которого я ничего не могу припомнить. Пожалуй, я начала осознавать себя лишь тогда, когда мне исполнился год. И это осознание пришло ко мне вместе со слезами.

Мое первое воспоминание не есть самое лучшее. Я лежала в колыбели и орала изо всех сил, потому что свивальники были мокры, и к тому же я хотела есть. Извиваясь как червяк под лопатой, я таращила глаза на кружевной балдахинчик и вопила, призывая хоть какую-нибудь добрую душу прийти и поухаживать за мной. Было душно, тошно, тесно, а более всего пугало то, что никто не сможет мне помочь. И даже та молодая и очень красивая женщина с большой грудью, полной вкусного молока, не придет ко мне! Однако, сделав короткую передышку между воплями, я услышала противный скрип открывающейся двери. Я уже связывала этот звук с

появлением красавицы и принималась гулить и пускать пузыри, привлекая к себе ее драгоценное внимание.

Кружевная накидка приподнялась, и я увидела женщин, склонившихся над моей колыбелькой. Одна из них была та самая красавица с большой грудью, круглым румяным лицом, черными кудрями, выбившимися из-под оборок чепца, и в светлом платье. Я перевела взгляд на другую женщину и чуть не развопилась снова. Одета во все черное, худая, бледная, со строго сдвинутыми к переносице бровями, она была похожа на тень из дурного сна. Поджав и без того тонкие губы, она наблюдала за мной так, словно я была каким-то отвратительным насекомым. Ее руки, унизанные перстнями, были сложены на груди, точнее, на том месте, где груди полагается быть. Лицо с бледной кожей, тенями под глазами и высокими скулами казалось лицом покойницы, и от ужаса я разревелась снова.

– Она всего лишь намочила пеленки, госпожа, – молвила красавица, и в следующий миг я оказалась у нее на руках. Великий Спящий, что за руки! Они были такие нежные, мягкие и уютные, так ласково убаюкивали меня, что я почувствовала себя совершенно счастливой!

– Перепеленай ее, Ченца, – приказала некрасивая дама.

Ченца (вот как, оказывается, зовут милую красавицу!) перенесла меня на пеленальный столик и мягко освободила от мокрых ненавистных тряпок, которые так сковывают движение. Нежно касаясь кожи, она протерла мое тельце какой-то

душистой жидкостью. Некрасивая дама, сев в кресло возле окна, рассматривала меня, покусывая губы. Я почувствовала, что совершенно не нравлюсь ей. Она словно хотела сказать, что я ей неприятна! Ну и пожалуйста! У меня ведь есть Ченца, ее руки, грудь и ласковый взор, а значит, я не пропаду!

Ченца меж тем ловко перепеленала меня и проговорила, обращаясь к суровой даме:

– Ваша дочка просто прелестна, домина Катарина! Ей сегодня исполнился ровно годик, а выглядит она гораздо старше и смышленее своего возраста.

– Глупости, Ченца! – резко бросила домина Катарина. – Эта девочка умственно отсталая, и я даже рада, что мой почтенный супруг не увидел ее. – Что и говорить, ведь она родилась в черный день, день гнева и скорби. Сама посуди – ей уже сравнялся год, а она не умеет даже стоять! Одно хорошо – волосы на голове у нее темные, как у мужа, а если б она, подобно ее братьям, родилась белокурой, давно б ей было место в выгребной яме!

– Побойтесь Спящего, домина Катарина! – испуганно воскликнула Ченца и прижала меня к своей груди. – Статочное ли это дело: топить младенца в выгребной яме!

– Такова наша жизнь, – пожав плечами, сказала домина Катарина. – Особенно, если это жизнь рода Азиттизи, частью коего я стала, выйдя замуж за мессире Томмазо. Мой великий супруг и его родня были весьма щепетильны в вопро-

сах чистоты крови. Какой позор я пережила, когда он хотел отправить меня в отдаленный кастильон, прочь от глаз, ибо Франко и Фичино оказались белокурами! До сих пор золотки тычут мне в глаза этой проклятой белокуростью, ведь и мессире, и я – черноволосы! Никогда не забуду, как проходила испытание на верность крови перед всей родней, чтобы доказать, что я не прижила Франко и Фичино от какого-нибудь белобрысого прощельги!

– О, домина Катарина, да помилует вас Спящий, разве можно было усомниться в вашей честности!

– И тем не менее, – моя мать стиснула кулаки. – Они усомнились. Более того, они просто ждали, что я откажусь от испытания. Но я поклялась на Санта-Либре, что невинна и смогла пройти босиком по раскаленным угольям, что видели много свидетелей. Я никогда не забуду их разочарованные рожи! Мессире Томмазо признал своими сыновей, а насчет их белокурости мне сказала свекровь, что, быть может, кто-то сглазил их. Беловолосой же девочке не место в роду Азиттизи! Это страшный позор, и я, клянусь Санта-Либрой, утопила бы ее!

Глаза домины Катарины при этих словах полыхнули жутким гневом. Мне показалось, она даже жалеет, что все-таки не утопила меня, и я заплакала, прижимаясь к мягкой груди Ченцы.

– Мама-мама! – пролепетала я.

Это были мои первые слова!

– О, домина, вы слышали?! – радостно воскликнула Ченца. – Она сказала «Мама»! Она позвала вас!

Ченца ошиблась! Я звала *ее*, потому что именно ее и сочла настоящей мамой, а не эту худую, злую, мрачную женщину по имени Катарина! Я не хотела иметь с этой дамой ничего общего!

И тем не менее, домина Катарина являлась моей родной матерью, а Ченца – только кормилицей, взятой из деревни, принадлежащей моему отцу.

Домина Катарина довольно неловко взяла меня из рук Ченцы и принялась укачивать, приговаривая:

– Перестань реветь, дочь, ведь ты высокого рода! Твой отец был великим воином, первым среди прочих кавальери короля Альфонсо Светоносного! Твой брат тоже скоро станет знаменитыми кавальери, и ему будут принадлежать земли, горы, леса, реки, которые огнем и мечом отвоевал у неверных еще прапрадед Азиттизи! Будь гордой и бесстрашной, дитя! И если уж ты появилась на свет, так живи достойно, не посрамляя своих славных предков!

Вот так я и поняла, что *живу*, а не просто пачкаю пеленки. Я – отпрыск знатного рода, а значит, должна совершить в жизни много выдающихся дел. Я еще не знала, каких, но знала: обязательно совершу!

Первый год моей жизни ознаменовался еще и тем, что меня, как всякую девственницу, посвятили храму Великого Спящего и нарекли мне имя: Норма.

В старом переводе: *такая, как надо*. Настоящая. Положенная. *Правильная*.

Я слабо помню обряд посвящения. Кажется, пришли три стареньких добродушных жреца, бывших слегка навеселе, поочередно осмотрели меня, возложили на домашний жертвенник цветы и фрукты во искупление моего девства (предполагалось, что когда-нибудь я его лишусь, за это и платили вперед). Один из жрецов срезал у меня прядку темных волос и положил ее в особый ковчежец – значит, я теперь зависела только от воли Спящего. Когда придет пора выдавать меня замуж за какого-нибудь высокородного *джиоване*, жрецы передадут прядку этих волос моему мужу в первую брачную ночь, знаменуя то, что теперь только муж – мой полновластный хозяин, господин и бог.

Конечно, будучи сопливой малолеткой, я всё это понимала смутно. Жрецы, муж, власть... Это представлялось неинтересным. Куда интереснее было постепенно осваивать мир вокруг себя.

Сначала этим миром была моя детская – просторная комната, обитая старинной золотистой парчой с кое-где торчащими нитками. У дальней стены стояла моя кровать, укрытая от нескромных глаз светлым пологом из тафты; под большим окном в свинцовом переплете располагалась длинная скамья с подушками, на которых я обожала сидеть вместе с кормилицей и слушать ее песни и сказки. Большой комод был увенчан зеркалом в резной позолоченной раме (мне не

удавалось самостоятельно в него заглянуть, даже встав на цыпочки, так я была мала) и умывальным кувшином с тазом. Но больше всего я любила камин и крошечное креслице перед ним. Я могла часами сидеть в этом кресле и смотреть на танцующие в глубине камина языки пламени. Я думала, они рассказывают мне о чем-то удивительном и чудесном, просто я еще не могу понять их язык... Ченца поначалу очень боялась оставлять меня перед камином одну, но потом поняла, что я не настолько глупа, чтоб совать руки в пламя. Я и камин проводили таким образом много тихих вечеров, и мне было все равно, что творится за стенами нашего замка. Ченца все реже оставалась со мной – ей приказали отлучать меня от груди, на ее место взяли няню. Няня, кругленькая, плотная, суетливая и чересчур заботливая, иногда вызывала у меня чувство глухого протеста. Я не хотела пускать ее в свою малую событиями жизнь, и уж тем более доверять ей как Ченце, свои секреты. Впрочем, секретов было не так уж и много. В числе самых преступных – вытягивание золотых нитей из стенной обивки и лазанье по нижним ящикам комода (ничего интересного, сплошные стопки постельного белья, пересыпанного сухими соцветиями лаванды).

Я болезненно пережила расставание с кормилицей и на память подарила ей жалкий клубочек тех самых ниток, что вытащила из обивки. Я готова была отдать ей свою куклу с отбитой правой рукой или тряпичного утенка, но что-то подсказывало мне, что Ченце игрушки уже ни к чему. Милая,

милая Ченца, любившая меня как собственное дитя, а не как отпрыска знатного рода! Пусть Спящий будет благосклонен к твоей судьбе, и самые первые мои молитвы – о тебе.

А потом были вазы.

В хорошую погоду няня, облачив меня в неудобное платье с жестким костяным корсажем, выходила со мной на просторную плоскую крышу кастильона. Я не была слишком живой и егозливой, так что няня практически не следила за моими перемещениями по крыше, занимаясь очередным вышиваньем. Я бродила, уставившись в рыжие кирпичи крыши, изредка поднимая голову вверх, когда какая-нибудь чересчур смелая ласточка проносилась в опасной близости от моих тощих косичек. Я предполагала, что за стенами нашего замка есть мир, такой огромный, что и не вымолвить словами. Но этот мир не манил меня совершенно. Мне достаточно было каменных стен Пьетро-делла-Чьяве, бесконечных запутанных коридоров, освещенных факелами, комнат, в которых таились удивительные вещи, лестниц, уводящих в мечты... Как мне хотелось побывать в них! И однажды я поступила дурно. Я сбежала.

Тот день выдался просто восхитительным по мнению моей няни, и она, прихватив пяльцы, повела меня на крышу. Там она уселась в тенечке и принялась вышивать, предоставив мне делать, что угодно. Я скучливо бродила около каменных зубцов, огораживающих крышу (я знала, что их называют «ласточкиными хвостами»), рассматривала безоблачное

небо, не понимая, что такого люди видят в этой бесконечной голубизне... Становилось жарче, ветерок куда-то исчез, и даже на крыше было слышно, как трещат в заросшем рву крупные коричневые цикады. А потом я услышала, как моя милая няня кротко похрапывает, прикрыв фартуком лицо. И в моей голове мигом возникло преступное желание отправиться гулять по замку без ее сопровождения, что мне категорически воспрещалось в силу моего жалкого возраста и телосложения.

На всякий случай я шепотом окликнула няню, но она уже погрузилась в праведный сон, что мне было только на руку. Я подобрала подол своего ненавистного платья и тихо спустилась по лестнице в западную башню – ее я знала меньше всех помещений Пьетро-делла-Чьяве и потому мечтала оказаться там немедленно.

К моему сильному разочарованию, башня оказалась совершенно пустой, с голыми серыми стенами и слоем белесой пыли на полу. Однако в ее сумраке я увидела дверной проем, завешенный темным пологом. Разумеется, именно в этом направлении я решила продолжить свой первый самостоятельный поход по замку. Проскользнув под пологом, я оказалась в коротком коридоре, освещенном одним-единственным лампионом, что висел над еще одной дверью. Я почему-то ужасно испугалась: мне подумалось, что дверь окажется запертой, и я лишусь некоего особенного удовольствия. Удовольствий вообще в моей детской жизни было мало, раз-

ве что совершить вылазку в комнаты братьев и полюбоваться убранством, гобеленами и мебелью. Сама я росла в строгости, к которой мать приучала меня с детства, ибо она считала, что в женщине много дурного и низменного, что необходимо подавлять в зародыше. Во всяком случае, сейчас я совершала действительно дурной поступок, и, словно падая в бездну, я повернула ручку двери, молясь Великому Спящему, чтоб она была открыта.

Дверь легко подалась и открылась почти бесшумно. Я сделала шаг и ахнула, позабыв дышать.

Это была удивительная комната – просторная и круглая, как коробочка для леденцов от кашля. Ее плавные стены состояли сплошь из стекла, что, как я полагала, было невысказанной роскошью. Но и этого мало! Оказавшись в центре комнаты, я увидела, что стеклянные стены снабжены позолоченными ярусами. И на каждом ярусе громоздились пестрые, сияющие, невысказанные в своей красоте вазы.

Их, верно, было больше сотни: прозрачные, резные, граненые, глиняные, золотые, серебряные, – они изумляли своим разнообразием и совершенством. Ничего более прекрасного я доселе не видела. Я пошла вдоль стены, зачарованно рассматривая эти произведения человеческих рук (я верила в бытие Великого Спящего, но понимала, что Ему недосуг изготавливать даже столь совершенные творения, ведь по учению Храма, ему положено Спать). Вазы стояли в беспорядке – зеленое стекло соседствовало с желтым хрусталем, обо-

жженная глина – с золотой сканью, лаковое дерево – с полированной яшмой... Многие вазы были щедро инкрустированы драгоценными камнями и жемчугом, сверкающим, как глаза древних жрецов... Наслаждение от созерцания этих прекрасных форм было таким, что я еле сдерживала слезы восторга и чувствовала, как мое сердце рвется из груди. Неизвестно откуда пришло ко мне понимание, что это собрание красоты принадлежало моему отцу, что мать моя никогда не заходила в эту комнату (а братья – тем более!) и что здесь богатств больше, чем в сокровищницах иных высокородных *селебритов*...

Выше сил моих было расстаться с дивным видением, но трезвомыслящий кусочек моего мозга уже отчаянно призывал меня образумиться и вернуться на крышу, где уже, верно, няня сбилась с ног, полагая меня похищенной небесными духами или свалившейся со стены. Шаг за шагом я отступала к двери, не в силах отвести глаз от буйства форм и красок и наконец оказалась за порогом комнаты. Аккуратно прикрыв за собой дверь, я зашагала по коридору и думала, что объясню свою внезапную отлучку нуждами естества. И в спешке я вовсе не заметила, что коридор, которым иду, гораздо длиннее и освещеннее, к тому же устелен шерстяными дорожками. Этот коридор привел меня вовсе не в западную башню, а в *студию*, где мои братья обучались фехтованию!

Они-то и изумились больше всего, когда из-за колонны выскочила их сопливая сестрица с зачарованным блеском

во взгляде. Наш кастильон по старинке делился на мужскую и женскую половины, поэтому мое появление братья сочли дерзостью, которую надо примерно наказать.

– Ах ты дрянь! – воскликнул Франко и замахнулся учебной *спадой*, будто намереваясь снести мне полголовы.

– Как ты посмела сюда проникнуть, *капра* криворогая? – завопил Фичино, который вообще-то не отличался воображением, и его сравнение меня с козой можно считать верхом творческой мысли.

– *Фермаре*, остановитесь, благородные мессире! – воскликнул учитель фехтования, подтянутый красавец с масляными глазами. – Доминика Норма почтила нас своим присутствием, а это большая честь!

И он отвесил мне наиучтивейший из всех поклонов.

Фичино фыркнул:

– Эта тощая крыса даже не имеет права именоваться доминикой!

– Ваши слова недостойны воина, мессире Фичино, – сказал учитель, глядя при этом на меня так, что мне показалось, будто его взгляд теркой дерет мои щеки. – Доминика Норма такое же дитя кавальери Томмазо, как и вы.

Франко окинул меня презрительным взглядом и молвил:

– Дочери такого великого человека должно знать, как подобает себя вести и куда ей входить запрещено. У нее повадки кухаркиной дочки!

– Неправда! – взвизгнула я и чуть не заплакала от обиды –

я видела как-то кухаркину дочку: уродина, каких поискать. — Я знаю, как себя вести! Я дочь кавальери! Если б мой отец был жив, он надрал бы вам уши за такое высокомерие!

— Ну заплачь, заплачь, соплячка, — предложил мне Фичино и поджал свои синюшные губы. — Все девчонки одинаковы — чуть что, сразу в слезы.

Я стиснула кулаки:

— Вы так со мной обращаетесь, потому что я девочка и младше вас! Это несправедливо! Если бы я обучалась бою на спадах, как вы, я бы сразилась и победила вас, негодяи!

— Слава Спящему, женщин никогда не будут учить фехтованию, а уж таких дур и подавно! — воскликнул Франко.

— Еще посмотрим! — я гордо отвернулась.

— Доминика Норма, позвольте мне препроводить вас в ваши покои, — снова отвесил мне поклон учитель фехтования.

— Я просто заблудилась, — стала выдумывать я. — Так получилось... Мне надо было... Зов естества...

— Конечно, доминика, я вас понимаю, — и учитель распахнул передо мной дверь.

И снова был коридор, только третий! В нем я точно никогда не была! Он привел на главную лестницу кастильона, а оттуда учитель фехтования проводил меня на галерею, где находилась моя комната.

— Доминика, мне нравится мысль о том, что вас следует обучить фехтованию, — говорил он. — Я попрошу домину Катарину решить этот вопрос в вашу пользу.

– Спасибо, маэстро, – кивнула я. – Мне бы это пригодилось в жизни.

– Совершенно верно! – просиял красавец. – Ибо фехтование – наука, требующая не только всех усилий тела, но и умение управлять собственным разумом. Вы для своих лет очень разумны, доминика.

– Благодарю вас, – я чопорно поклонилась и скрылась за дверью детской.

Если б я знала, что меня ждет...

И не только меня.

Глава вторая

На ближайшие часы о фехтовании пришлось позабыть. Моя нянька, не обнаружив меня на крыше, чуть не сошла с ума от тревоги. Заливаясь слезами, она принялась искать меня по всему замку и, увы, попала на глаза моей матери. Представляю, что на лбу невозмутимой домины Катарины появились три морщины, свидетельствующие о нешуточном гневе. Мать в сопровождении няни и слуг сразу отправилась в мою комнату, где и обнаружила вашу покорную слугу сидящей на горшке.

– Ох, слава Спящему! – вскричала няня. – Доминика, как же вы меня напугали! Как вы могли уйти с крыши в одиночку?!

– У меня разболелся живот, Круделла, – кротко сказала я няне. – Вот я и поторопилась сюда. Наверное, я объелась засахаренных абрикосов за завтраком.

– Ах, бедное дитя! – няня простерла ко мне руки. – Я немедленно приготовлю тебе укропной воды, и все пройдет!

Меж тем моя мать, поглядев на меня с некоей брезгливостью, обратилась к няне:

– Круделла, отпираться бессмысленно: ты заснула и подала этой девочке повод для недостойного поведения. Сегодня же ты отправишься в деревню. Ты неспособна следить за этим ребенком.

– Простите, домина...

– Спящий простит. – Мать ответила, как положено смиренной и благочестивой литанийке, но в голосе ее было столько льда, что я горько пожалела о своей выходке, стоившей няне места.

Нужно было срочно спасать положение, и я сказала:

– Матушка, няня ни в чем не виновата, умоляю вас простить ее!

– Мне лучше знать, кто в чем виноват, – отрезала мать. – Круделла, ступай собирать вещи. За Нормой пока присмотрит одна из моих дам.

– Как прикажете, госпожа, – присела в поклоне няня, в ее глазах стояли слезы.

Мать развернулась и вышла, хлопнув дверью. А у меня и в самом деле закрутило живот. Няня, не глядя на меня, протянула мне несколько хлопчатых салфеток.

– Круделла, – начала я. – Если б я знала...

– Ах, маленькая госпожа, это только моя вина, – вздохнула несчастная женщина. – И верно, я слишком стара и неповоротлива, чтобы следить за вами. Ничего. Буду полоть грядки с фасолью, сбивать масло, ухаживать за лозами – в деревне мне всегда найдется работа, и я не останусь без куска хлеба...

– Я буду скучать без тебя, – только и сказала я.

– Ничего, маленькая госпожа, у детей короткая память, вы меня скоро забудете...

Бедная Круделла ошиблась – я не забыла ее. Однако жизнь шла своим чередом, и скоро мне представили двадцатилетнюю особу сурового вида и сказали, что это моя *менторша и професса* – пора было не только надзирать за мной, но и учить меня разным наукам, приличным благородной девочке.

Менторшу звали Агора, в переводе с древнего языка – «светлая». И действительно, она с самого первого дня вознамерилась осветить беспощадным светом знания все закоулки моего мозга.

Привольная жизнь, которую я вела при няне, закончилась. Теперь, едва я вставала с постели, мой день был расписан по минутам. И не было никакой возможности изменить тот распорядок, который завела наставница!

Она будила меня ранним утром, следила, чтоб за умыванием я хорошо промыла уши и шею, а также почистила зубы кашицей из соды и мела. Она завела порядок, при котором я должна была одеваться самостоятельно, и если я путалась в шнуровке, не могла застегнуть корсет и натянуть чулки, мне предоставлялась возможность выслушать самые уничижительные высказывания в мой адрес. *Професса* придерживалась строгих взглядов на воспитание благородных девочек и не давала мне никаких поблажек. В любую погоду она вела меня на конюшню, где нас уже поджидали оседланные лошади. Я побаивалась свою норовистую каурую кобылку-трехлетку, но была вынуждена скрывать свой страх и садиться в

седло. Професса же держалась в седле, как влитая, и ее серый в яблоках жеребец слушался малейшего движения поводьев.

Наша утренняя прогулка тоже проходила по раз и навсегда заведенному пути. Выехав из боковых ворот замка, мы проезжали по подъемному мосту и устремлялись по грунтовой дороге, проложенной меж бесконечной вереницы пшеничных полей. Солнце золотило волны колосьев, ветер играл с моими кудрями и охлаждал щеки. Мы пускали коней в галоп и мчались, словно забыв обо всем. И тогда мой страх перед ездой верхом отступал, была только потрясающая скачка, ощущение полной свободы и в то же время единения с каждым колосом на полях... Доскакав до реки, мы любовались наступающим днем, а потом поворачивали обратно к замку.

Приведя себя в порядок, я в сопровождении Агоры выходила к завтраку на женскую половину. Мать появлялась в ту же минуту, за ней попарно шли шесть дам-компаньенок. Одна из них по знаку матери читала молитву Великому Спящему, слуги подвигали стулья с высокими спинками, и все мы чинно садились, поправив складки платьев. Завтрак начинался с горячего омлета из перепелиных яиц, потом подавали гренки, сладкий рис с изюмом и цукатами, сыры и фрукты. Професса следила, чтобы я за столом вела себя так же благородно и скованно, как матушкины компаньонки, ни разу не уронившие ни одной крошки мимо тарелки.

За завтраком моя мать отдавала распоряжения: домоправителю, стоявшему справа от ее кресла, компаньонкам и моей наставнице. Она никогда не смотрела на меня, словно зрелище шестилетней девочки могло вывести ее из всегдашнего равновесия.

Вот и сегодня домина Катарина не смотрела на меня, а обратилась к профессессе.

– Агора, – заговорила она своим по обыкновению холодным голосом, – Какие успехи делает ваша воспитанница?

Менторша немедленно встала и поклонилась матери:

– Госпожа, доминика Норма хорошо читает и пишет, с устным счетом у нее пока нелады, однако я берусь смелость утверждать, что она его освоит. Помимо того, доминика Норма прилично держится в седле и...

– Это всё пустое, – перебила наставницу мать. – Полагаю, девочку уже пора учить Священной истории. Какие книги вы даете ей читать?

– Сейчас она читает жизнеописания знаменитых мужей древности, домина Катарина, – сказала Агора. – Она увлечена их подвигами...

– Подвиги ей ни к чему, – мать поджала губы. – Всё, что от нее требуется – знать правила поведения благородной девицы и выказывать нелицемерное послушание.

– Да, госпожа, – поклонилась Агора.

– С сегодняшнего дня вы будете преподавать ей Священную историю.

– Как прикажете, домина. Однако, смею сказать...

– Да? – подняла тонкую бровь мать. – Что-то еще?

– Мастер фехтования, обучающий мессиров Франко и Фичино, просил меня обратиться к вам с нижайшей просьбой позволить доминике Норме брать у него уроки фехтования. Он считает, что девочке столь высокого рода следует владеть этим искусством.

– Какие глупости! – фыркнула моя мать. – Сражаться на спадах – это совершенно не девичье занятие. Передайте маэстро мой решительный отказ. А если у Нормы слишком много свободного времени, полагаю, она может потратить его на обучение вышиванию.

Они говорили о моей жизни так, словно меня это не касалось. И я решила подать голос:

– Но, матушка, мне бы очень хотелось научиться фехтовать!

Я почти выкрикнула это и встретила уничтожающий взгляд матери, не опустив глаз. Мы молча смотрели друг на друга, и она первой отвела взгляд.

– Норма, ты забываешься, – холодно сказала она. – В этом доме только я решаю, чему тебе следует учиться.

И она принялась резать серебряным ножом фрукты у себя на тарелке.

Мне оставалось молчать и подчиняться. И проводить долгие, скучные часы за изучением Священной истории.

Професса подошла к моему обучению со всей серьезно-

стью. Наступил день, когда она меня привела в замковую либраторию и, обводя рукой ряды либр, сказала:

– Доминика Норма, здесь собраны истинные сокровища, запечатленные в словах. Отныне вы будете прикладывать все усилия, дабы напитать ими свой ум.

– Да, професса, – кивнула я, жадно оглядывая полки. – Эти либры собрал мой отец?

– Совершенно верно. В своих походах он посещал многие страны и города, и вывез оттуда немало сокровищ на пергаменте и бумаге.

– Он их покупал? Ведь эти либры наверняка стоят целое состояние! – воскликнула я.

– Я думаю, они попали к нему иным путем, – сухо сказала Агора. – Взгляните сюда.

Я вместе с нею подошла к оконной нише. В ней стоял стол, на котором покоилась большая либра в темном кожаном переплете. Ее края были скреплены застешками из покрывшегося патиной золота, а еще от корешка либры тянулась толстая цепь, конец которой был утоплен в стене.

– Зачем эта цепь, професса? – спросила я. – Неужели эта либра столь ценна, что ее держат на цепи, как раба-охранника?

– Эта либра ценнее всего, что есть в кастильоне вашего отца, доминика. Ибо это одна из пяти либр, что были написаны Первосвященником Великого Спящего, когда Тот еще не почил от дел Своих и давал людям Закон и Веру.

– О-о, – благоговейно протянула я. – Значит, цепь для того, чтобы либру не украли? А разве нельзя, допустим, цепь распилить? Или распаять, как наш лудильщик паяет олово? И украсть?

– Доминика! – голос менторши был строг. – Вас должно интересовать не то, каким способом можно украсть бесценный фолиант, а то, какие истины изложены на его страницах!

– Да, професса, – скромно потупилась я. – А когда мы начнем читать эту... святыню?

– Особам женского пола строго запрещено не то что читать, а и прикасаться к священной либре! – отчеканила професса. – Запомните это раз и навсегда. А теперь идемте со мной.

Поклонившись святой либре, мы отправились в другой угол комнаты, и здесь моя наставница сняла с полки толстый том в бархатной обложке цвета вареной свеклы.

– Это – Священная история, изложенная для чтения в кругу благородных дам. Вы должны понимать, доминика, что основу Веры и Закона составляют истины, осознать которые целиком человеческому разуму часто не под силу. Особенно это касается разума женского, ибо он слаб, поверхностен и озабочен суетными желаниями. Но Первосвященник и его ученики, ратуя за то, чтобы все люди знали Закон и Веру, повелел упростить высокое знание для понимания нашим косным умом. Присядьте, доминика.

Я повиновалась. Професса осталась стоять и пояснила:

– Книгу Священной истории следует читать лишь вслух и стоя, из благоговения к ней.

– Тогда я тоже встану...

– Нет-нет, сидите. Вам, пока вы не стали девушкой, можно сидеть.

Что значит – «стать девушкой», подумала я, но промолчала. Моя наставница немного помедлила, потом поцеловала край обложки и раскрыла либру. Она утвердила ее на подставке для чтения и начала:

– «В этом Истина, Вера и Закон, данные свыше Тем, Кто спал, и проснулся, и опять спит.

Истина в том, что до Пробуждения Великого не было ни начал, ни концов, ни времен, ни пространств, а лишь Ожидание. Великий же, пробудившись, создал и начала, и концы, и времена, и пространства, и узрел, что это благо. Четыре конца света Он создал: Север, Юг, Восток, Запад, и пятым создал Центр, ибо всё от Центра исходит, и к Центру возвращается. Великий создал Плоть и Силу, и Плоть Он сделал землею, а Силу – небом. И сказал: «Да будет на земле тот, кто соединит в себе и плоть, и силу». Прах земной Он совокупил с дождем небесным и создал из этой смеси человека, и нарек ему имя: Первый. И дал Первому власть над всем, что есть на земле, и что есть в воздухе: над всеми зверями и над всеми растениями. И Первый жил посреди острова, где не иссякало блаженство, и ежечасно славил Великого.

Шло время, и Первому стало одиноко и скучно на блажен-

ном острове. Вся земля была в его власти, но не находил он покоя сердцу своему. И возопил он к Великому: «Почто сотворил Ты меня одиноким? Не избываю я своей тоски, ибо вижу, как всякий зверь и всякая птица имеют друга, спутника, я же – не имею». И Великий сказал: «Справедливы слова твои, но знай: сделал Я это лишь по тому одному, что ведаю, какое горе и разочарование может постичь тебя по обретении друга». «Да будет так!» – сказал Первый. – «Готов я терпеть и горе, и разочарование, лишь бы не быть на земле одному. Нет ничего страшнее одиночества».

Ничего не сказал Великий, ночью же, когда Первый спал, Он открыл грудь его, взял бьющееся сердце и отделил от него малую часть. Потом Он собрал росу с трав, аромат цветов, звездный свет и пение птиц и всё это смешал с частью сердца Первого. И так Он создал Первую, и благословил ее стать помощницей мужу своему, и нарек женой.

Наутро, узрев жену, Первый пришел в восхищение, ибо она была прекрасна, как аромат лилий, пение соловья, роса на лотосе и звездный свет. Сердце его потянулось к ней, воспламенилась плоть, и он познал жену свою, благословляя Великого, создавшего ее.

И снова шли годы, и Первый человек и жена его жили, слава Великого и возделывая землю, дабы приносила она плоды в пищу. Сердца их лежали друг к другу, и жена родила Первому двенадцать сыновей и двенадцать дочерей, которые стали родоначальниками всех народов на земле.

Однажды стояло знойное лето, и Первый возжелал искупаться в море, что омывало берега блаженного острова. Он вошел в волны и вдруг увидел существо, что было подобно его жене, однако превосходило ее красотой и статью. Она купалась и пела, расчесывая волосы, напоминавшие морские водоросли.

– Кто ты? – обратился к ней Первый.

Она обернулась, и человек был сражен сиянием ее глаз, яркостью уст, белизной влажной кожи. Она рассмеялась и сказала:

– Я дочь неба, человечек, нет тебе части со мной! Ступай к жене и ей дари свои жалкие ласки.

– Ты сама будешь моей женой, – сказал Первый. – Ибо я жажду тебя, как воды жизни.

– В одной ладони не удержать воду и огонь. Не смогу я быть твоей, покуда жива Первая. Уходи прочь.

В скорби пошел Первый к жилищу своему и увидел, как его жена сидит на пороге и месит тесто для лепешек. Взял он камень с острым краем и ударил жену в висок так, что хлынула кровь и треснула кость. Упала Первая и выпустила из рук горшок с тестом, перепачкалось тесто ее кровью. Первый дождался, когда жена его испустит последний вздох, сжал в ладони камень и пошел к морю.

На морском камне сидела дочь неба, и тело ее светилось, как перламутровая раковина. Снова засмеялась она, увидев человека:

– Что, человечек, ты опять пришел просить моих ласк?

– Я беру тебя в жены, ибо Первой больше нет, – сказал человек.

– Куда же ты дел ее?

– Вот этим камнем, – Первый поднял ладонь. – Я пробил ей висок до кости. Я дождался ее последнего вздоха и пришел к тебе. Идем со мной, возлюбленная.

И дочь неба вошла в жилище Первого человека, и испекла лепешки из окровавленного теста, и кормила тем мужа своего. Тело же Первой жены бросили в глубокое ущелье, на дне которого не таял лед.

Снова шло время, дочь неба родила первому человеку двенадцать сыновей и двенадцать дочерей, и населили они небесный свод и стали править детьми Первой жены. Те возмутились духом и пришли к отцу своему, и сказали:

– Отец наш, где мать наша?

– Разве я сторож матери вашей? – ответил Первый человек. – Ступайте прочь!

И они пошли, и обошли весь блаженный остров, поднимаясь на вершины и опускаясь в пропасти. И на дне глубокого ущелья они нашли тело матери своей, вмерзшее в лед. Они подняли плач, и вопль этот достиг ушей Великого, и спросил Он о причине этого плача.

Дети Первой жены сказали:

– О Владыка, отец наш убил мать нашу и поистине достоин жестокого наказания!

Вопросил Великий:

– Где ты, Первый?

Первый ответил:

– Я здесь, в винограднике, ибо услышал голос Твой и убо-
ялся.

– Отчего же ты не убоялся Меня, когда убивал свою
Первую жену?

– Оттого, что возжелал дочь неба сильнее, чем благоволе-
ние в очах Твоих.

Прогневался Великий на Первого человека и новую жену
его, и прогнал их с блаженного острова. И было: дети Пер-
вой жены воевали против детей дочери неба, и шла эта бит-
ва сорок дней и сорок ночей. Когда же осталось по два муж-
чины и две женщины с каждой стороны, Великий вмешался
и приказал прекратить битву. Черноволосым потомкам Пер-
вой жены Он отдал теплые земли, плодоносные деревья и ре-
ки со сладкой водой, а белокурым детям дочери неба повелел
владеть землями холодными и бесплодными, и реками, воды
которых горьки. И положил вражду меж ними до тех пор, по-
ка не восстанет ото сна Своего. И уснул Великий, восскорбев
в сердце о творении Своем. Люди же ожесточились и про-
должали умножать преступления свои. Всю же вину за соде-
янное они возлагали на жен своих, ибо через смерть Первой
жены пришла в мир смерть, а через коварство Второй при-
шло в мир Зло...»

Професса закончила читать и остро поглядела на меня. Я

растерянно молчала. Мне была непонятна вся эта история с женами Первого человека и гневом Великого Спящего. Няня часто молилась Спящему и приучала молиться меня, говоря, что Спящий всемогущ и милосерден и слышит наши молитвы даже во сне. А из этой истории выходило что-то непонятное. Как мог Спящий, если Он всемогущ, допустить гибель Первой жены? И вообще, почему Он уснул, когда люди так нуждаются в Нем?

– Вы хотите что-то сказать, доминика? – спросила менторша.

– Да, професса, – я тоже встала и принялась ходить по комнате. Она следила за мной с непонятым выражением лица. – Я не знала, что Великий Спящий такой... такой трус.

Професса поднесла ладонь к губам, словно хотела улыбнуться и скрыть улыбку.

– Поясните ваши слова, доминика, – потребовала она приглушенно.

– Я всего лишь маленькая девочка, но даже я знаю, что хороший пастух всегда заботится о своих овцах, а виноградарь ухаживает за лозами, чтобы они принесли урожай. Они – всего лишь люди, но им присуще чувство ответственности за овец и виноград. А Великий Спящий создал Первого человека и жену, и бросил их на произвол судьбы...

– Это не так, – сказала професса.

– Тогда почему Он допустил, чтобы Первый человек убил свою жену и взял другую? Разве Он не мог не дать свершить-

ся злу?

– Мог. Но дело в том, доминика, что человек получил от Него свободную волю, а значит, получил власть самостоятельно решать, что делать, а что – нет. Убийство было свободным выбором Первого человека.

– Не понимаю, – пробормотала я. – Значит, можно убивать, грабить, лгать только потому, что обладаешь свободной волей делать это или не делать?

– Да, – кивнула менторша. – Но вы должны помнить, доминика, что свободной волей к добру и злу обладают только мужчины. Женщина со времен гибели Первой жены не имеет воли и во всем должна подчиняться мужчинам.

– Почему?

– Потому что она неразумна и склонна только ко злу и разрушению. Только мужчина может обуздать строптивый женский нрав. Лишь находясь во власти мужчины, женщина имеет ценность, ибо ей положено служить мужу и продолжать человеческий род до тех пор, пока Спящий не проснется.

– А когда Он проснется, Он... что? Что сделает?

– Об этом Первосвященник Спящего ничего не говорил. Однако многие искатели мудрости предполагают, что, пробудившись, Спящий уничтожит всё сущее, ибо на самом деле оно – лишь Его сон.

– Тогда зачем же Он всё творил?

– Мы не можем этого знать, доминика. Его пути и желания

неисповедимы.

– Это очень глупо! – решительно сказала я. – Сначала сотворить, потом заснуть, а потом – проснуться и всё уничтожить! Так поступают только сопливые малолетки, когда лепят из глины домики, а через минуту уже ломают их!

– Пройдет время, и вы всё поймете, доминика.

– Вряд ли, – я покачала головой. – Мы сегодня еще будем заниматься Священной историей?

– Нет, доминика. Идемте на прогулку. Ваша матушка озабочена тем, что вы слишком много времени проводите в комнатах.

– Вот уж не поверю, – пробурчала я. – Моя мать меня почти не замечает. По-моему, ей все равно, разгуливаю ли я по замку или отправилась в виноградники.

– И тем не менее, – настояла менторша на своем.

Глава третья

Летом было много гроз. Ров, отделяющий кастильон от полей, несколько раз затапливало водой. Матушка приказывала золотарям вычищать ров, но едва приходил очередной ливень, как все повторялось. Из окна своей комнаты я с любопытством наблюдала за работой золотарей – дюжих мужланов в холщовых рубашках и штанах из рогожи. Они вычерпывали воду и нечистоты бадьями на длинных ручках и лили ее в огромные деревянные бочки, пахнущие так гнусно, что долетало даже до замковой галереи. Потом подводы с бочками отправлялись на деревенские огороды, так как считалось, что господская грязь помогает вырасти богатому урожаю. Я в это не верила, но стала брезговать овощами и зеленью, взятыми в деревне – кто знает, может их как раз удобряли нечистотами!

К слову сказать, подрастая, я стала болезненно брезгливой. Во время мытья я не позволяла ни одной служанке касаться моего тела или волос, свое белье и платья я тщательно осматривала и перетряхивала, чтобы не было пятен, дырок или блох. Я отказывалась есть, если обнаруживала, что мои приборы плохо вымыты или протерты сальным полотенцем. Специальной щеткой я вычищала грязь из-под ногтей, если ей удавалось туда забраться, что случалось редко, ибо я целыми днями носила перчатки. Мое общество составля-

ла лишь менторша, которая была тоже чистоплотна до болезненной крайности. Она заставляла служанок по несколько раз на дню перемывать полы горячей водой со щелоком в принадлежащих мне комнатах. Кроме того, ей пришлось прекратить наши конные прогулки – меня начинало тошнить, едва я улавливала запах лошадиного пота и кожаных седел. И вообще я стала слишком чувствительна ко всякого рода запахам: они мучили меня с утра до вечера независимо от того, хороши или плохи они были. Я чувствовала кислый запах латунных скоб на дверях, пыльный аромат ковров и дубленой кожи переплетов в библиотеке, прогорклую вонь имбирного пива, которое обожали мои братья... Запах увядающих роз в покоях матери смешивался с запахами пудры, мускателя, камфары, старых платьев, благовоний и капель от головной боли. И даже не выходя на общую галерею, я могла точно определить, что готовит повариха: рагу из говядины, кроличье жаркое, кашу, пирог с яйцами или заливное из форели...

А еще мне казалось, что запахами обладает всё-всё на свете. Так, растущая луна пахла вербеной и сырой землей, а убывающая – жженым сахаром и тмином. Пруд возле виноградника пах тухлыми яйцами и древесным углем, поэтому ничто не могло заставить меня подойти к нему ближе, чем на десять шагов. Стены нашего кастильона источали густой и стойкий запах мокрого дерна, плесени и ржавого железа... От одежды матушкиных приживалок исходил аромат

мяты, апельсиновых корок и старинного серебра, а временами – тяжелая вонь горячей крови, пугающая меня. Домоправитель источал аромат корицы, крепленого вина и нечистых зубов, и я всегда могла сказать, посещал ли он ночью женщину – ибо после такой ночи от него шел гадкий животный дух, сходный с запахом из конюшни, и я не понимала, отчего на его лице в это время светилось удовольствие...

Вообще в то грозное лето я стала проявлять большее любопытство к отношениям меж мужчиной и женщиной. Возможно, это было связано с тем, что в главах Священной истории, читаемой профессой, то и дело описывались многочисленные жены Первосвященника, служившие ему во время написания Либр и проповеди Веры. Професса на примере жизни этих жен говорила мне о том, что главное достоинство женщины заключается в ее беззаветном служении своему мужу.

– Но, професса, – лезла с вопросами я. – Моя мать стала вдовой, кому же она должна служить теперь?

– Она служит мессирам Франко и Фичино, доминика, – неизменно отвечала Люция.

– Мне так не кажется, – я недоверчиво поджимала губы и тотчас вспоминала, что привычка делать из губ тонкую ниточку есть у матери, а я не хотела ни в чем быть похожей на нее.

Когда грозы отступали, Агора шла со мной на прогулку и рассказывала о славной истории моего рода. Длинная ве-

реница предков проходила перед моими глазами: прапрадед и основатель рода – кавальери Джанбатиста Азиттизи Мстительный, прадед – Лукас Азиттизи Кровавый, дед – Жеронимо Азиттизи Хладнокровный... Я видела их портреты в парадной гостиной замка – сплошь мрачные и суровые мужчины с длинными черными волосами и пронзительным взглядом. В парадной гостиной висел также наш герб, и я иногда пыталась разобрать, что же он означает.

Так вот, мы с Агорой гуляли, я слушала ее рассказы и лениво размышляла о том, почему пшеница пахнет вовсе не свежеспеченным хлебом, а пылью и зноем, отчего в наших апельсиновых рощах пахнет мокрой землей и навозом, а не сладкими плодами... Эти размышления представлялись мне слишком детскими, и я не делилась с ними даже с Агорой. Я вообще не желала никому доверять то, что творится в моей голове.

Как-то в конце лета мы отправились в апельсиновую рощу, где деревенские парни и девушки собирали очередной урожай ярких и сладких плодов. Заметив нас, они ставили наземь корзины и кланялись мне. И вдруг – я увидела Ченцу!

Да, это несомненно была она – розовощекая, крепкая, плотная, с толстой черной косой, выбившейся из-под платка, в ярко-красном платье с короткими рукавами. Ее руки лоснились от апельсинового масла, на носу блестели капельки пота, подол фартука усеяли листики и веточки, но я безо всякой брезгливости бросилась к ней и крепко обняла:

– Ченца, как я рада тебя видеть!

– Моя маленькая госпожа! – воскликнула она. – Впрочем, ты уже не маленькая, вон как ты вытянулась!

Я прижала голову к ее груди и вдохнула знакомую смесь из ароматов теплой кожи, миткаля и анисового масла.

– Ах, Ченца, я ужасно скучаю по тебе, – молвила я. – Как ты поживаешь?

– Очень хорошо, маленькая госпожа, – она улыбнулась, и я увидела милые ямочки у нее на щеках. – А ты?

Тут я вспомнила про Агору.

– Это моя менторша, ее зовут Агора, – торопливо сказала я. – Она читает мне Священную историю, а также учит всем наукам, которые положено знать приличной девочке.

– Оно и видно, – вздохнула Ченца. – Совсем тебя уморили этими науками, ты такая бледненькая и худенькая, моя госпожа! Верно, болеешь?

– Вот еще! – надменно фыркнула Агора. – Доминика Норма – вполне здоровая и развитая девочка! И не всякой деревенщине об этом рассуждать!

– Ах, *скузами*, простите великодушно, професса, – поклонилась Ченца, имея язвительный огонек в глазах. – Просто душа болит видеть такого заморенного ребенка! Что тебе подадут на обед, маленькая госпожа, уже, верно, не тушеных каплунов и не малину со взбитыми сливками, как ты любишь!

– Доминике вредно жирное, – отчеканила Люция. – А от

молочной пищи у нее идет сыпь по телу.

– Моя бедная крошка! – всплеснула руками Ченца. – Это все оттого, что тебя рано отлучили от груди. Я могла бы кормить тебя еще год или даже два! Идем, пополдничаешь с нами, поешь деревенской еды!

– С удовольствием! – кивнула я, с ехидством наблюдая за тем, как вытягивается лицо моей строгой менторши.

Всё это было так неожиданно и чудесно! Плавающая от жары роща, пронизанная золотыми копьями солнечных лучей, смуглые лица и руки, неумолчный хохот, пение и разговоры, огромные корзины лоснящихся апельсинов – такой яркой смеси запахов, цветов и звуков мне еще не приходилось встречать!

Ченца развязала свою корзину, вытащила оттуда шаль и расстелила ее на траве под сенью апельсиновых ветвей. Мы уселись, и Ченца принялась выкладывать из корзины свой обед: завернутый в чистую тряпицу щедрый ломоть пшеничного хлеба, глиняную бутылочку с оливковым маслом, полкруга овечьего сыра, соль и две сушеные рыбины с тускло блестящей чешуей. Запах от всего шел такой, что только держись, но я не испытывала ни малейшего неудобства, хотя дома за столом мне становилось дурно, если в овсяной каше оказывались комочки, а в процеженном бульоне плавали блестки жира, и он пах вареной куриной кожей!

Ченца вознесла благодарение Великому Спящему и попросила Агору, как самую старшую и почтенную, разрезать

хлеб. Но та отказалась, говоря, что в присутствии госпожи (то есть, меня) она на это не решается. Смешная! Я-то понимала, что ей просто неприятно оказаться в глупом положении – вряд ли она даже умеет держать в руках нож! Я, вообще-то, тоже не умею, но не могу же я отказать своей кормилице!

Куски я нарезала косо и крупно, ведь я в первый раз это делала! Было ужасно приятно сознавать себя не просто сопливой малолеткой, но и девочкой, которую уважают.

Ченца полила мой ломоть маслом, положила сверху сыру, а сама принялась увлеченно грызть рыбину, поминутно задавая мне вопросы о моей жизни в кастильоне.

– Там ужасно скучно, – сказала я кормилице. – Целыми днями я только и делаю, что учу Священную историю и вышиваю для матушки гобелен. Ченца, неужели так и пройдет вся жизнь, в таких скучных делах?!

– Ах, милая детка, тут ничего уж не поделаешь! – развела руками Ченца. – Родилась ты женщиной – познай покорность, труды и болезни, такова воля Великого Спящего и Его Первосвященника. Ничего! Ты скоро превратишься в девушку, и к домине Катарине будут приезжать знатные *джиоване* – просить твоей руки. Выйдешь замуж, станешь госпожой в каком-нибудь почтенном доме, будешь рожать детей каждый год – вот и пройдет скука!

– Я не хочу замуж! – испугалась я. – Если все *джиоване* похожи на моих братцев, лучше оставаться незамужней!

– Это ты сейчас так говоришь, – улыбнулась Ченца, – Но когда в твоём сердце проснется весна, ты только и будешь ждать весточки от возлюбленного, каким бы он ни был! И с радостью наденешь свадебный венок, потому что никакая женщина не может жить одна, так задумано Великим Спящим! Я, хоть и почти старуха, – мне двадцать восемь лет, представь! – собираюсь снова замуж!

– Ты выходишь замуж? – я не могла поверить своим ушам. Мне казалось, что у Ченцы и без того прекрасная жизнь, на что ей еще и муж?

– Да, этой осенью, – беспечно молвила она. – Я выдержала положенный вдовам срок и решила – будь что будет, выйду за Констанцо Скинелли! Он давно на меня глаз положил, и то сказать – я работающая, никогда без дела не сижу, да и дом у меня полная чаша. А у него – ферма, долги за скот он кастильону выплатил еще в прошлом году, так что станем жить для себя и своих детей. Уж очень мне опять родить хочется – мой первый ребеночек родился мертвым, меня тогда и взяли кормилицей в замок...

– У тебя был ребенок? – ахнула я.

– Да, малютка вошел в этот мир, уже пребывая в мире другом, – вздохнула Ченца. – Повитуха вытягивала его из моего чрева щипцами и раздавила головку. Она, конечно, потом повинилась передо мной, но дитя-то не вернешь! Ох, как я тосковала первые недели, глядя на пустую колыбельку, волчицей выла, волосы на себе рвала! Но потом родилась ты, в

замок потребовалась кормилица, и я успокоилась и воспряла духом, как только твой жадный ротик присосался к моей груди. Это были лучшие дни моей жизни, когда я кормила тебя!

– Для меня тоже, – тихо сказала я. – Почему ты никогда не говорила мне, что была замужем?

– Да потому, что мой тогдашний муженек не стоил и упоминания о нем! – Ченца рассмеялась. – Только и делал, что пил граппу да играл в кости! В постели от него толку было мало, дружок его редко поднимал голову...

– Какой дружок? – недоумевающе посмотрела на Ченцу я. – Твой муж брал в постель еще и своего друга?

Ченца захохотала:

– Ох, детка, неужто ты не знаешь, что у каждого мужчины есть в штанах дружок, без которого мужчина – и не мужчина вовсе! Они называют его удом и чуть ли не с детства принимают меж собой мериться – у кого длиннее? Когда мальчикам исполняется лет двенадцать, их уды начинают просить женщину, а поскольку ни одна женщина не глядит на таких сопляков, им приходится помогать себе собственной рукой.

– Я не понимаю, Ченца...

– Маленькая доминика, ты что, никогда не видела, как моются твои братья или мочатся мужики во дворе замка?! Никогда за ними не подглядывала?!

Менторша аж побелела:

– Высокородной девочке не следует заниматься подглядыва-

ванием за мужчинами, это непристойно! – прошипела она, уничтожающе глядя на Ченцу, но та только рукой махнула:

– Глупости! Кому, как не девочке, это знать, ведь ей предстоит выйти замуж и почувствовать боль первой ночи! Хорошо, когда мужчина – опытный любовник и имеет мощный уд, а ежели это какой-нибудь старый и потасканный *компрадоре*, у которого вместо уда рыболовный крючок? Молодая жена будет только страдать от его немощи и злости!

– Это гадкие разговоры! – взвизгнула професса. – Немедленно прекратите развращать доминику!

– Ченца меня не развращает, – твердо сказала я и, нахмурив брови, сурово посмотрела на менторшу. – Мне интересно ее слушать, а вы мешаете, професса!

– Доминика, мы должны идти обратно в замок! – стиснула кулаки Агора.

– *Пэр фаворэ*, идите, а я не тороплюсь, – нахально прищурилась я. – Я побуду с Ченцой, а потом она проводит меня к воротам.

– Я не могу вас оставить без присмотра! – взвилась менторша.

– Тогда сидите и не встревайте в наш разговор! Ешьте лучше маслины с сыром! Это приказ!

– Вы отвратительная и испорченная девочка, Норма, – обреченно молвила менторша и взяла маслину. – только моя снисходительность к вашим проступкам позволяет вам...

– Ой, да ладно! – махнула розовой ладошкой Ченца. –

Вам, професса, небось, самой по душе такие разговоры! Тут ничего не поделаешь, мы так созданы. Мужики, как соберутся за кружечкой граппы, только и говорят, что о величине наших грудей да бедер. А почему бы нам не поболтать о том, какие у них...

Менторша фыркнула и расхохоталась, отчего ее лицо стало похоже на только что распустившийся цветок розовой мальвы:

– Покарай вас Спящий, Ченца, за такие глупости! Но уж вы тогда, доминика, не проболтайтесь матушке об этом разговоре!

– Само собой! – кивнула я.

А дальше я не могу передавать вам содержание нашего разговора, ибо оно таково, что даже записные сердцееды покраснеют от стыда. Ченца открыла для меня совершенно неизведанную землю отношений мужчины и женщины, ее грубоватая прямота в описании некоторых явлений и действий заставляла меня ежиться от восторга, что я посвящена в *такую* тайну. Что же касается менторши, то она сидела, приоткрыв рот и сверкая глазами так, что было ясно: для нее эта наука неизвестна так же, как и для меня.

Пообедав, мы помогли Ченце убрать остатки пира в корзину и прилегли подремать – палящие лучи солнца совсем сморили нас. Я и не заметила, как уснула, и сны мои были яркие и удивительны. Мне снились огромные стеклянные вазы разных форм, и в этих вазах пестрели цветы, которых я ни-

когда не видела наяву. Мне снился их густой, пряный, сладкий и томящий аромат, почти осязаемый, как кисейная вуаль. А еще цветы шептали какие-то слова, но я не могла их разобрать. Это было обидно, я стала напрягать слух и поняла, что просыпаюсь.

И наяву я слышала шепот. Открыв глаза, я поняла, что в некотором отдалении от нас шепчутся вовсе не цветы, а Ченца и какой-то усатый высокий мужчина. Он крепко обнимал мою кормилицу и целовал ее шею, а она, раскрасневшаяся, тихо смеялась и расплетала косу, красиво выгнув спину. Мужчина подхватил ее на руки и унес вглубь рощи, туда, где сплетались ветки шиповника и ежевики. Я поняла, что жутко краснею, потому что после рассказа Ченцы мне было ясно – эта парочка отправилась в укромный уголок не ежевику собирать. И мне даже стало немного обидно, что вряд ли у меня будет любимый, с которым будет приятно целоваться и чувствовать, как он щекочет своими усами мою шею. Я еще совсем девчонка, и джиоване, которые приезжают к моим братьям поохотиться вместе, смотрят на меня, как на нудливую муху. Они ужасно пахнут потом, волосы на голове блестят от сала, а от башмаков идет такая вонь, что поневоле приходится зажимать нос платком, надушенным маслом жасмина! А когда я вырасту, матушка верней верного отдаст меня за какого-нибудь богатого старика, что готов взять девицу, у которой из приданого – дюжина одеял, два сундука белья, маленькая шкатулка с серебряными украшениями

и вздорный норов. Я сама это мельком услышала, когда матушка болтала с приживалками. Мол, джиоване из хороших семей предпочитают дев богатых и знатных, а на такую как я, они и не посмотрят. Потому что я не только бесприданница, но и некрасива! Да! Матушка так и сказала, и услышав это, я страстно захотела поджечь гобелен, который она вышивала семь лет – в отместку!

У меня даже сейчас зашипало в глазах от досады, и я растолкала Агору, чтоб возвратиться в замок.

– Ох, доминика Норма, светило идет на вечер, нам пора возвращаться! – всполошилась она. – Матушка вас хватится.

– Это сомнительно, – молвила я. – Матушка редко обо мне вспоминает.

– Вы напрасно так непочтительно относитесь к госпоже Катарине, – примирительно сказала Агора. – Она по-своему любит вас. Просто сейчас ей хватает забот с вашими братьями...

– О, да, – протянула я. – Особенно, когда Франко проигрывает в кости очередной алмаз из родовой сокровищницы, а Фичино всю седмицу пьянствует с какими-то мордоворотами из соседних поместий.

...Мы были уже на мосту, когда я увидела, как из ворот замка выметнулся нам навстречу всадник на гнедом коне. Он взял в галоп, и мы едва успели отшатнуться к деревянным перилам моста, чтоб он не сшиб нас с ног.

– *Идиотто!* – заорала я ему вслед. – Чтоб тебе башку

снесло, негодяй! Не видишь, куда прешь!

Он, конечно, этого не услышал. Я повернулась к менторше.

– Професса, вы видели, кто это был?

– Да, – кивнула она. – Это грум вашего старшего брата.

– Мигеле?! Ну, я ему оторву уши, когда он вернется! В башмаки набью дерьма из уборной!

– Уймись, доминика. Наверняка у Мигеле есть веские причины так спешить. Поскольку мессире Франко сейчас гостит у своего комбатанта Транкилло, я думаю, что грум послан, дабы срочно вернуть его в кастильон. Вероятно, мессире Франко понадобился вашей матушке...

– Хм, – только и сказала я.

А в замке творилось Спящий знает что! Была отперта парадная зала, и полдюжины поломоек скоблили в ней и без того чистый гранитный пол. По галерее носились служанки со стопками постельного белья, скатертей, салфеток и занавесок. Везде стояли бронзовые жаровни, в которых тлели шарики душистых смол. У меня даже голова закружилась: таким неожиданным было это нападение запахов на мой нос. Проходя вслед за менторшей мимо дверей, ведущих в кухни, я уловила ароматы фаршированных фазанов, тушеного мяса, пирогов, жареных зайцев и уток, сливового мармелада, рубленого укропа, тмина, чеснока, квашеных яблок и еще тысячу соблазнительных мучителей для желудка. Даже есть захотелось, хотя не так давно мы пообедали с Ченцей!

– Похоже, готовится торжественный ужин, – полувопросительно поглядела я на менторшу. Она кивнула. – Уж не сам ли король Альфонсо Светоносный решил заехать в гости?

– Идемте в покои, доминика, – чопорно молвила Агора, тем давая понять, что строить дальнейшие догадки бессмысленно.

В моей опочивальне меня ждала младшая служанка и дубовая ванна с горячей водой.

– Доминика, ваша матушка велела вам спешно привести себя в порядок, – поклонилась мне девчонка.

– С чего это? Кто приезжает в замок?

– Простите, доминика, я не имею чести знать, – прошептала девчонка.

– Лжешь ты все, – проворчала я, раздеваясь. – Нет, не трогай мою шнуровку, я сама! У тебя руки пахнут какой-то гадостью!

– Я их мыла с лимонным соком, доминика!

– Рассказывай, – сбросив одежду, я с наслаждением погрузилась в горячую воду, от которой шел мягкий аромат кедрового масла, вербены и роз. Я расплела волосы, позволила служанке поливать их из кувшина водой с апельсиновым соком, сама же набрала из стоящей рядом миски немного вареного мыльного корня и принялась намыливаться. Иногда я позволяла себе даже подремать в остывающей воде, но, похоже, сегодня это не удастся – моя менторша уже раза три постучала в дверь и напомнила, что мне надобно поторапли-

ваться.

Тщательно вытершись и высушив волосы перед огнем камина, я велела подавать одежду и удивилась, когда девчонка разложила передо мной атласное платье персикового цвета, затканное серебряными нитями и жемчугом. К платью прилагался новый корсет и великолепная накидка-роккетта из ослепительно белых кружев. Я даже представить не могла, как надену и не испорчу все это великолепие, ибо вообще-то одежда на мне просто горела, но тут ворвалась професса и принялась резво мне помогать одеваться, ворча, что в жизни не видала подобных копуш и распустёх. Поставив меня перед зеркалом, она сделала мне изящную прическу, приколотла к волосам роккетту, оглядела с ног до головы и сказала:

– Идемте, доминика, и не вздумайте вести себя как деревенская дурочка!

Я только хмыкнула.

Мы миновали общую галерею и спустились в парадную залу. Я ахнула: полы были устелены драгоценными коврами, которые отец (да помилует его Спящий!) давно привез из жаркой страны Хургистан. На моей памяти это второй случай, когда расстелили ковры; первый был связан с приездом свекора моей матери, кавальери Монстрато Азиттизи. Так кого ждут сейчас?

А сколько свечей! Похоже, все серебряные подсвечники достали из кладовых и поставили не только по всей длине огромного стола, но и вдоль стен, чтоб не осталось ни од-

ного темного уголка. Главный стол – для мужчин – был накрыт старинной парчовой скатертью и сверкал множеством золотых приборов: тарелок, кубков, блюд, ваз, из которых свешивались сочные виноградные кисти и блестели алыми боками яблоки. Женский стол выглядел скромнее: скатерть была бархатная, а приборы из серебра. Кресла на специальных возвышениях стояли во главе обоих столов: за мужским в него сядет Франко, а за женским – матушка. Или не так?

Мы с менторшей встали у стены так, чтобы было удобно наблюдать за теми, кто входит в зал. Двери распахнулись, двумя рядами прошли приживалки матери в одинаковых темно-зеленых платьях и геннинах и грумы моих братьев. Они выстроились вдоль ковровой дорожки и замерли будто изваяния.

Поддерживаемая под обе руки Франко и Фичино, прошла моя мать в платье аметистового цвета и темно-синем блио с длинным шлейфом, отороченным собольим мехом. Я заметила, что Франко неестественно бледен и вообще имеет помятый вид, значит, груму пришлось отрывать его от веселой попойки, что, конечно, не может не огорчать моего мерзкого брата. Какие мешки у него под глазами, видно, выжрал целых два бочонка своего гадкого имбирного пойла! Поделом же тебе, идиотто! А если ты вдруг примешься плевать за торжественным ужином, то хоть немного поутратишь свою спесь, чего тебе искренне желаю! Вот я повеселюсь, не все же вам издеваться над младшей сестрой!..

Мать и братья встали посередине залы, и я увидела, что моя бесстрастная мать дышит так, будто ее что-то сильно взволновало. Я поняла, что она смертельно боится тех гостей, для коих так пышно украшена зала. Но почему?

В дверях появился наш домоправитель в торжественной одежде и с церемониальным посохом. Он выдержал несколько мгновений, окидывая взглядом залу, и воцарилась совершенная тишина, в которой было что-то давящее и страшное.

А еще в этой тишине я уловила новый запах.

Он был чудовищно отвратителен, так, что у меня закружилась голова и тошнота подкатила к горлу; чтоб не упасть, я вцепилась в руку менторши. Кто или что может так пахнуть – тленом, гнилью, нечистотами и ко всему – чем-то совершенно нелюдским и не относящимся к этому миру?! Я никогда не верила в существование духов зла, созданных детьми Неба, чтобы мешать нам, потомкам Первой жены, но сейчас я понимала: если духи зла есть, они должны пахнуть именно так! И сейчас они войдут в эту залу, сядут за наши столы, разделят трапезу, станут друзьями! Но этого нельзя допустить! Они несут нам смерть!

– Доминика, успокойтесь, перестаньте дрожать, – прошептала менторша.

– Я хочу уйти, – выдохнула я.

– Это невозможно. Прекратите.

Домоправитель трижды гулко ударил посохом в пол так, что задрожало пламя всех свечей:

– Его высочество принц Ломбардио ди Монтойя, владелец земель Чьяраменти и Абруцци, великий суверен короля Альфонсо Светоносного и священный хранитель Великого Учения Истины!

Вонь стала нестерпимой. Я прижала к носу платок, заслужив уничтожающий взгляд менторши. Неужели она не чувствует? Неужели они все не чувствуют, что сюда идет смерть?!

Он был удивительно красив и изящен, принц Ломбардио Монтойя. Его короткий дублет с отрезной баской и высокими валиками на плечах был из редкостного снежно-белого бархата и усыпан множеством алмазов, горевших в свете свечей так, что глазам становилось больно. Ниспадающий со спины красивыми складками плащ-упелянд сиял золотыми и пурпурными нитями и оторочкой меха чернобурки. Шоссы обтягивали его изящные и крепкие ноги столь модно, что по строю приживалок прошелестел восторженный вздох, а гюльфик выпячивался так, что казалось, будто он живет жизнью, отдельной от жизни своего господина. После неприличных рассказов Ченцы я поняла, *что* именно мужчины покоят в этих гюльфиках, в другой раз я бы посмеялась, но сейчас меня словно сковало цепями непередаваемого ужаса. Лицо принца дышало красотой и изяществом, он был полностью выбрит согласно столичной моде, длинные черные кудри, схваченные золотым обручем, сияли в свете свечей. Темно-зелеными глазами он окинул залу и всех людей, при-

севших перед ним в почтительном поклоне, и решительно направился к матушке.

– Благоговейно целую ваши руки, принц, – склонила голову моя мать.

– О домина Катарина, я осмелюсь ответить тем же, – принц изобразил изысканный поклон и взял в свои ладони руки матери, поцеловал их поочередно. – Все слухи о вашей красоте и изяществе, что ходят в столице, лгут, я вижу это. Ибо вы стократ прекраснее любых слухов. Я даже не могу поверить, что вы, блаженнейшая домина, мать сих взрослых юношей! – и принц улыбнулся Франко и Фичино.

– Вы слишком добры ко мне, ваше высочество, я лишь бедная вдова и ваша покорная слуга. Прошу простить, что мы не сумели должно подготовиться к вашему приезду...

– Полно, алмазная синьора, я сам виноват, что не предупредил вас о своем визите заранее. Но, признаться, мне просто хотелось навестить вас по-дружески, без церемоний, ведь мы были хорошими друзьями с вашим покойным мужем...

– Благодарю вас за память о нем, ваше высочество, – мать всегда была образцом учтивости.

Принц снова поцеловал ее руки и сказал:

– Позвольте мне сопровождать вас на ваше место за столом, прекрасная хозяйка прекрасного кастильона.

– Почту за честь, ваше высочество, – опустила ресницы мать и покорно положила ладонь на расшитую золотом манжету принца.

Проводив мать, принц Ломбардио весело глянул на моих братьев:

— О, да вы настоящие кавальеры с крепкими руками и широкими плечами, вы пошли статью в вашего благородного отца! Так сядем же и поднимем первый кубок за этот дивный замок и его высокородных обитателей!

Принц сел в почетное кресло, дождался, когда виночерпий нальет ему полный кубок, и поднял его со словами:

— *Эввива* кастелло Пьетра-делла-Чьяве, *эввива* прекрасной домине Катарине и ее благородным сыновьям!

— *Эввива!* — громогласно воскликнули спутники принца.

Да. Тут я вынуждена оговориться. Принц, разумеется, был не один, его сопровождала целая кавалькада знатных и роскошно одетых юношей, один краше другого. Но в первые моменты я была так сосредоточена на зловонии, волнами исходящем от принца, что не обратила на них внимания. А теперь я установила точно: вонял только принц. От людей его свиты исходил обыкновенная смесь человеческих запахов: пот, духи, винный перегар, гнилые зубы... Это немного смягчало ощущение того, что с нами за стол села Смерть в облике высокородного юноши.

Нет, разумеется, я и моя менторша сидели в самом дальнем углу женского стола. Обо мне никто не вспомнил, как о дочери Томмазо Азиттизи, словно меня просто не существует. От этого унижения и оттого, что вся зала воняла мертвечиной, мне кусок не лез в горло. Я взяла кисть красного

винограда и медленно ошипывала ее, отправляя в рот ягоду за ягодой. Их кисло-сладкий вкус заглушал дурноту, которая подступила к горлу.

– Может быть, вам выпить разбавленного вина, доминика? – тревожно спросила менторша. – Вы выглядите слишком бледной. Вам дурно?

– Да, мне дурно, очень-очень, – прошептала я. – Вы можете меня незаметно увести отсюда, Агора? Сделайте это, умоляю!

– Хорошо. После второго кубка мужчины будут заняты только едой и разговорами, и я уведу вас, доминика.

– Благодарю.

Люция исполнила мою просьбу. Звенели кубки, булькало вино, слуги не успевали носить огромные тарелки с изысканными яствами, и мы смогли незаметно ускользнуть. Я взлетела по лестнице, еле сдерживая в себе рвотные позывы, и все равно у самой двери в свою комнату меня вывернуло наизнанку желчью и непереваренным виноградом.

– О Великий Спящий! – вскричала Люция, глядя на меня. – Что за болезнь приключилась с вами?

– Не знаю, – тупо ответила я и потеряла сознание.

Глава четвертая

Раньше я никогда так не болела. Конечно, простуда из-за сквозняков в замковых покоех или несварение желудка от дурной стряпни младшей кухарки приходили нередко. В таких случаях менторша сообщала об этом матушке, а та посылала одну из своих приживалок с травяными настояками, припарками или каплями. Приживалки, казалось, только и ждали, что я совершенно обессилею, и у них появится возможность лечить меня в свое удовольствие и квохтать, как перепуганные наседки. И чтоб не терпеть всю эту заботу, я быстро выздоравливала вопреки их лекарствам, кои сливала в горшок под кроватью.

Но на сей раз я попала крепко.

Когда я очнулась от обморока, то увидела, что лежу в постели, моя сорочка мокра от пота, но при этом у меня зуб на зуб не попадает от холода. Тело болит так, что кажется, будто от костей отвалилось мясо. Я не могу поднять ни рук ни ног и кричу от ужаса, но на самом деле мой голос не слышнее комариного писка. Вокруг какая-то красная темнота, душная, давящая, и мне представляется, что я умерла. Но вот кто-то снимает с меня сорочку и проводит по телу чем-то восхитительно прохладным и мягким, и лихорадка успокаивается. Остро пахнет уксусом и мятой, я начинаю лучше дышать и хочу приподняться на локтях, но чья-то рука снова уклады-

вает меня на влажные подушки:

– Лежите, доминика, вам нужен покой.

Неужели это какая-то из матушкиных приживалок? Я вглядываюсь в темноту и вижу освещенное свечой лицо своей менторши.

– Агора... – выдавливаю я. – Пить...

У моих губ оказывается бокал с водой. Отхлебнув, я кривлюсь: теплая!

– Всё мокрое... – шепчу я.

– Я позову вашу служанку, она поменяет белье. Мы боялись трогать вас, пока вы были в беспамятстве.

– Долго?

– Около суток. Я покину вас ненадолго.

Менторша встает и оставляет меня в темноте, унеся свечу с собой. Я снова проваливаюсь в беспамятство, но, видимо, ненадолго, потому что когда снова открываю глаза, то вижу у постели не только профессу, но и мою служанку Лори.

– Доминика, мы сейчас пересадим вас в кресло, и Лори поменяет постель. Может быть, вы сможете выпить чашку бульона?

При мысли о бульоне мне стало тошно.

– Нет, – прошептала я. – Лучше воды с лимоном, холодной-прехолодной...

– Холодное вам нельзя, моя девочка. Вы больны. Пришлось вызвать из города лекаря. Он осмотрел вас и нашел, что у вас сильно воспалено горло, жар и сыпь по телу. Он

сказал...

Я перебила:

– Меня осматривали?! Какой-то мужчина? И он касался меня?

Менторша сказала твердо:

– Доминика, это было необходимо. К тому же после осмотра я протерла ваше тело смесью белого вина и уксуса, как велел лекарь. Ваша болезнь излечима, но вам нужен покой, теплое питье и обтирания отваром особых трав. Отвар готовит главная повариха, она делает все очень тщательно, можете не волноваться за его чистоту. А ваше питье готовлю я: это смесь целебных масел, которые оставил лекарь и порошков из корней растений; оно должно снять воспаление в горле. Еще лекарь завтра приготовит мазь для смазывания вашего горла, он обещал прислать ее со своим учеником.

– Я не хочу... не буду!

– Доминика, вы разумная девочка и должны понимать, что это для вашей пользы. Дайте руку, я помогу вам встать.

Я была так слаба, что не смогла самостоятельно пройти два шага до кресла, менторша буквально тащила меня на себе. Упав в кресло, я закрыла глаза – огонь камина их слишком раздражал. Я сжала руку менторши и спросила:

– Моя мать... Она приходила сюда?

– Нет, доминика, хотя я сочла нужным сообщить ей о вашей болезни.

– Понятно...

– Ваша мать сейчас очень занята. Почти всё свое время она проводит в обществе принца Ломбардио.

– Чудовище... – вырвалось у меня.

– Что?

– Принц Ломбардио – чудовище, – прошептала я. – Он несет смерть...

– Вы бредите, доминика. Принц – весьма учтивый и достойный юноша...

– Нет! – взгвизгнула я. – Вы не почувствовали, а я – да! От него воняет гнилью и протухшей кровью! Люди так не пахнут! Он – не человек! Кто угодно, но не человек! Мне стало плохо именно потому, что я почувствовала мерзостную вонь, исходящую от него!

– Я вас не понимаю, доминика – лицо профессы стало бледным. – Вы так тонко различаете запахи?

– Да! – мне хотелось кричать, но не было сил, и горло разрывалось от боли. – Я различаю запахи всего, что окружает меня, даже запахи мышей в норах внутри стен замка, запахи еды и вин на кухне, несвежего белья в комнатах братьев! Иногда это ничего не значит, но когда я учуяла запах принца, я поняла, что он – чудовище, лишь носящее облик смертного человека! О, прошу вас, *пэр фаворэ*, скажите моей матери, чтоб она выгнала его! Будет беда, большая беда!

Тут я заметила, что моя служанка не перестилает постель, а стоит с разинутым ртом и слушает мою бессвязную речь. Это увидела и менторша и напустилась на нее:

– Ах ты, дрянная девчонка! Что рот разинула?! Подслушиваешь? Быстро стели постель и не вздумай проболтаться о том, что услышала! Иначе я оторву тебе уши и заставлю их съесть сырыми!

Я никогда не слышала такой речи от своей хладнокровной менторши, и у меня от удивления даже прошла тошнота. Служанка кинулась стелить простыни, и я почувствовала их нежный аромат свежести и лавандовых цветов.

– Професса, – спросила я. – А другие люди... они могут различать запахи так же, как я?

– Не думаю, – помолчав, тихо сказала Люция. – Конечно, запах лилий от запаха навоза отличит всякий, но, по-моему, у тебя нюх скорее, как у собаки, а не у человека, раз ты чувствуешь то, чего не ощущают другие. Понюхай, чем пахнет моя ладонь?

Она достала чистый платок, тщательно отерла им свою ладонь и протянула мне ее. Я даже не стала наклоняться, как делают другие, чтоб понюхать и сказала:

– Вы мыли руки в отваре ромашки и липы, потом натерли их смесью оливкового масла, настоя укропа и алоэ. Потом вы носили перчатки – пахнет выделанной кожей ягнят. На обед вам подали слоеные пирожки и индейку с острой подливкой... Еще чувствуется какой-то запах, похож на запах ореховых чернил...

– Дитя, умоляю, остановитесь! – менторша отняла у меня свою руку и посмотрела с ужасом. – Обычный человек не

способен на такое! В прежние времена вас обвинили бы в колдовстве!

– Колдовство? Что это такое?

– Видите ли... В давние времена, когда еще не все люди прониклись верой в Великого Спящего, были отдельные племена и даже государства, которые поклонялись... злым силам. Взамен они получали чудесные способности: летать, одним взглядом перемещать по воздуху разные предметы, читать мысли других людей, провидеть будущее, слышать и чувствовать то, что остальным не под силу. Эти люди были очень могущественны, их невозможно было победить ни в одной войне. Но когда явился Первосвященник и начал проповедовать о Великом Спящем, он нарек этих людей колдунами и злодеями, и проклял от имени Спящего, ведь то, что они умеют – это зло и нарушение воли Спящего. По приказу Первосвященника этих людей убивали через сожжение на костре, потому что иначе с ними невозможно было справиться...

– Но почему? Почему их убивали? Что такого страшного в том, что умеешь летать? Птицы ведь летают!

– Птицы летают, ибо так повелел им Спящий. Людям же летать не положено, как и читать чужие мысли и убивать не оружием, а лишь силой воли. Удел людей – жить в труде, смирении и страдании, чтобы заслужить прощение Спящего и после смерти уснуть Его блаженным Сном.

– А в чем мы провинились перед Спящим?! И как Он мо-

жет знать о нашей вине, если всё время спит?

– Доминика, прошу вас, прекратите говорить эти безрассудства! Мы ничего не можем знать о воле и путях Спящего! Он непостижим, и лишь благодаря учению Первосвященника мы можем хотя бы веровать в Него. Что же касается вашего дара, вам лучше скрывать его. Вас могут обвинить в том, что вы колдунья, и даже высокое происхождение не сможет уберечь вас от казни на костре! Прошу вас, молчите, молчите об этом!

– Хорошо, – я покорно опустила голову. – Но вы... Вы ведь не расскажете об этом никому?

– Клянусь в том своей жизнью, – твердо сказала менторша. – А теперь позвольте мне помочь вам лечь в постель.

– Я не хочу. Мне кажется, я гораздо лучше себя чувствую. Может быть, нам стоит погулять?

– Ни в коем случае! Вы еще слишком слабы, вам надо беречься.

Пришлось повиноваться. Агора напоила меня отваром трав, лихорадка отступила, и я наслаждалась чувством покоя, лежа на свежих простынях. Менторша приоткрыла окно, чтобы впустить немного свежего воздуха, и я дышала ароматами скошенной травы, речной воды, апельсинового масла и розовых бутонов. Постепенно меня сморил сон и он стал первым шагом на пути к моему выздоровлению.

Каждый наступивший день приносил новые события и известия. Менторша читала мне вслух главы из «Всеобщей ис-

тории мореплавания», и я пленялась картинами моря и осенних парусами кораблей, что не боятся штормов и шквалов. Когда чтение заканчивалось, я просто лежала в тишине и представляла свой корабль – огромный трехмачтовый барк с палубой, блестящей, как натертое серебро, с парусами, полными ветра. Этот корабль носил имя «Амато» – «возлюбленный» на наречии Старой Литании, и капитаном его была я.

Меж тем наш кастильон гудел как дупло с потревоженными дикими пчелами. Принц Ломбардио упросил мою мать отменить траур, который она много лет держала по отцу, и устроить в замке большой праздник в честь грядущего Дня урожая. День урожая никогда на моей памяти не отмечался в замке, хотя в деревнях его, наверное, все равно праздновали согласно обычаям. Мать столь глубоко ушла в свою скорбь по отцу, что любое веселье казалось ей преступлением. Однако принц все изменил. Каждый день они с матушкой выезжали на прогулку верхом и осматривали наши огромные угодья. Из столицы по приказу его высочества с гонцами прибывали роскошные подарки: ткани, драгоценности, духи и притирания – для матушки, красивое оружие, меха и вина – для братьев. Все слуги были заняты: День урожая решили провести так, как раньше никогда не бывало. Для простолюдинов в городе будет устроена ярмарка и всякие забавы: стрельба из луков и арбалетов, бой на мечях, метание копья, рукопашная – чтобы деревенские да и городские мужчины

потешили себя и показали, кто чего стоит. От имени моей матери всем будет выставлено бесплатное угощение и пиво. В замок же съедутся знатные гости ближних феодалов, утром праздника состоится большая охота, в полдень – торжественный обед, а вечером – танцы.

Агора решила, что мне уже можно совершать небольшие прогулки, и по утрам мы гуляли в окрестностях кастильона, заросших густой травой. В замке же я старалась не попадаться никому на глаза, служанка приносила мне еду в комнату, и моя мать ни разу не справилась о том, почему я не выхожу к общему столу. И меня это даже радовало: от слуг я слышала, что мать отныне трапезничает в обществе его высочества, а снова ощутить вонь принца было выше моих сил. Я только надеялась, что со временем он уедет в столицу, и можно будет снова побродить по любимым башням, комнатам и закоулкам кастильона.

Постепенно я окрепла настолько, что мы с Агорой стали совершать долгие прогулки между полей, где золотились колосья созревшей пшеницы, на виноградники, полные спелых гроздьев, которым предстояло лечь в давяльни и постепенно стать душистым, сладким вином... Агора рассказывала мне о повседневных трудах простолюдинов, о том, как прядутся нити, ткются полотна, создаются из глины кувшины и миски, а я удивлялась – откуда ей всё известно про столь недостойные для внимания знатной девочки вещи? Хотя знатная девочка, то есть, я, была просто в восторге от этих рассказов:

куда интересней узнавать о том, как выделывают кожи или варят варенье, чем запоминать двадцать свойств Великого Спящего. Великий Спящий был далеко и к тому же спал, мне не было до Него никакого дела, а вот то, что в День урожая Ченца и ее Констанцо решили сыграть свадьбу, восхищало безмерно. Ведь я приглашена туда почетной гостьей! И знает об этом только Агора, мы с ней вдвоем преподнесем подарок молодоженам – две пуховые подушки, вышитые моей неумелой рукой.

День урожая с самого начала обещал быть солнечным и жарким. Я спешно позавтракала и вместе с Люцией поспешила в каретный сарай, где с вечера нас ждала небольшая открытая повозка, запряженная бодрым мерином Конти. В повозке лежали холщовые мешки со свежим сеном, поверху их укрывали домотканые дорожки, а еще повозка со всех сторон была украшена лентами и цветами, и даже на упряжи Конти зеленели плети хмеля.

– У меня повозка, как у Девы Урожая, – сказала я Агоре радостно.

– Да, доминика, – улыбнулась Агора. – Похоже, это постарались ваша служанка и грум.

Так, в повозке, мы прикатили в деревню, где несколько женщин уже ставили блюда и миски с едой на два длинных стола, перегородивших улицу поперек. Увидев нас, они закричали:

– Приехала Дева урожая, встречайте, встречайте, добрые

люди!

Одна из девушек – невысокая толстушка в зеленом платье и разноцветных лентах, вплетенных в косы, помогла нам спуститься.

– А где Ченца? – спросила я ее.

– Она с подружками в своем доме, они поют свадебные песни перед тем, как предстать перед деревенским старостой.

– Я тоже хочу туда, я еще никогда не слыхала свадебных песен!

– Идемте, я провожу вас.

Маленький домик Ченцы показался мне лучшим зрелищем за этот день. Чистенький и уютный, он пленил своей простотой и нежным ароматом... любви, да, по-другому не скажешь. Любовь была растворена в воздухе домика, ею пропитались чисто вымытые полы, беленые стены, скамьи и полки, посуда и очаг...

Ченца сидела на лавке посреди комнаты, а вокруг нее сустилось с полдюжины девушек.

– Маленькая госпожа, ты пришла! – радостно воскликнула она. – И професса здесь. Располагайтесь, отдохните, пока эти неумехи выдирают у меня все волосы своими гребнями!

– Мы принесли тебе свадебный подарок... – начала было я, но Ченца предостерегающе подняла ладонь:

– О подарках поговорим после свадьбы, а до – дурная примета.

Но примета приметой, а перед свадьбой в самый День Урожая ко мне подошел жених Ченцы и сказал:

– Маленькая доминика, я знаю, что уж такой итгрушки у тебя точно нет.

И он протянул мне стилет в ножнах.

– Он будет защитой тебе. Принц, что приехал в ваш кастильон... О нем бродят дурные слухи.

– Благодарю всем сердцем.

– Будь осторожна, доминика.

...Миновал День урожая, Ченца стала замужней дамой, а в доме нашем не прекращались пиры и принц, казалось, забыл об отъезде. Зато он вспомнил обо мне.

Мы с Агорой как-то возвращались из скриптория и вдруг в коридоре нарисовалось это чудовище.

– О, доминика Норма! – он поклонился. – Какая честь видеть вас.

– Взаимно, ваше высочество.

– А это ваша менторша?

– Да.

– Весьма красива, надо признать. Ваше имя?

– Агора, сир.

– Чему вы учите доминику?

– Только тому, что положена девам.

– Девам... Какое прекрасное, чистое слово! Обожаю девственниц. Они такие пленительные. Нам надо будет провести совместный урок. Честь имею.

Когда нетопырь и его вонючая свита ушли, меня вырвало. Агора потащила меня в мои покои, умоляя держаться.

– Быть беде, госпожа моя, быть беде, – шептала она. – Надо усилить охрану вашей половины.

Но мы не успели ничего сделать. Беда в лице принца и четырех его головорезов пришла в спальню Агоры, которая вообще никем не охранялась. Слуги принца держали Агору, пока этот выродок насильовал ее и уродовал ей лицо, потом попользовались ею сами и бросили истекать кровью. Агора как-то смогла доползти до моей комнаты и постучать, и какой я увидела ее – не передать.

– Агора...

– Это принц. Бегите отсюда! От придет и за вами. Он любит девственниц.

У нее были отрезаны уши, губы и груди.

– Мне уже не помочь, я умираю, Бегите! Теперь даже я слышу его вонь.

Он испустила последний вздох у меня на руках. Я втащила ее в комнату, переоделась в костюм для верховой езды, схватила свой стилетто и затаилась на балконе. И вовремя!

В мою комнату вошел упырь и его прислуга. Он уже успел переодеться во все белое.

– Принц, эта шлюха сумела доползти до покоев девчонки и наверняка предупредила ее.

– Обыщите покои. Этот цветок я раскрошу по лепесточку.

Мой балкон устроен не так, как остальные. Под его полом

есть ниша, куда я частенько пряталась от Агоры. О Великий Спящий, за что ты так обошелся с Агорой!

Они долго обыскивали мою комнату, но, в конце концов, решили, что я сбежала. Но сначала я должна была отомстить.

Я долго сидела в нише, убеждаясь, что принц не оставил соглядатаев. За гобеленом в моей спальне есть потайной ход, возможно, они направились туда. Значит, я должна была направиться в комнату принца.

Здесь пахло разложением, хотя чистота стояла идеальная. Агора, с тех пор, как я получила стилет, обучала меня различным приемам безопасности и боя. Я понимала, что до принца должна убить его прихвостней, но вместо этого в моем сознании абсолютно четко вырисовался образ одной из прекрасных ваз – из литого золота. На ней была выгравирована непонятная надпись, но я прочкла ее:

УМРИ.

И в меня словно вошла какая-то сила. И когда на пороге покоев принца стали появляться его слуги, я просто показывала на них пальцем и повторяла:

– Умри, умри, умри.

– Но со мной заклятием Умраз не справишься, маленькая шлюха, – сказала принц. – Ты же чувствуешь, что я не человек!

А огромная ваза из самоцветов уже взорвалась у меня в голове, и я сказала:

– Мой раб.

Он очень много вопил, ведь рабом он был всего пять ми-

нут, а мне трудно было разрубать на куски его тело и кромсать стилетом лицо. Тут третья ваза вспыхнула у меня в сознании, и труп упыря запылал, осыпаясь мгновенным белесым пеплом.

Комната горела. Кричали об убийстве и пожаре, но я так устала, что легла спать прямо в коридоре, положив под голову свой стилет.

Глава пятая

Я заболела.

Лихорадка была ужасной, поэтому к моей постели немедленно призвали замкового лекаря. Он пощупал пульс, поглядел в мои расширившиеся зрачки и сказал, что надежды нет.

Кажется, около меня на мгновение появилась мать, ее бесстрастное лицо было искажено отвращением. Своим проступком я запятнала род.

В общем, я лежала в бреду и жару, горничная поила меня какими-то горькими травами, от которых меня рвало желчью. Она то и дело меняла прохладные платки, обтирала мое тело целебными эссенциями, а главное – она была единственной, кто молился за мое выздоровление. Я поправилась. Но с тех пор не выносила ни вида, ни запаха крови.

Мое выздоровление шло медленно, но неуклонно. Оказывается, в бреду я постоянно звала Ченцу, и за ней послали, чтобы она вместе с моей горничной ухаживала за мной. Я поняла, что миновала смертные двери, когда увидела кормилицу сидящей на стуле возле моей кровати. Она вышивала и тихонько напевала:

Был у Богини светлый сад,
Растила розы в нем Она,
Их поливала каждый день

Она водой с речного дна...

Когда же розы расцвели,
Она призвала юных дев.
Они сорвали по цветку,
И умер сад, вмиг опустев.

«Себе венка Ты не сплетишь —
Нет больше роз в Твоем саду!»
«Шипы оставили вы Мне —
Из них венок Себе сплету».

И из шипов они сплели
Венец колючий для Нее.
И капли крови вместо роз
Чело украсили Ее.

Я чихнула — солнечный лучик пощекотал мне ноздри.
Ченца взглянула на меня и всплеснула руками, едва не выронив шитье.

— Доминика! Слава Богине, ты очнулась!

— Ченца, — голос у меня был слабым и тусклым, — помоги мне сесть.

— Не хочешь ли выпить воды или вина?

— Нет, нет, позже...

Она помогла мне сесть в постели, ловко взбила подушки, поправила кружевной балдахин так, чтобы лучи солнца не мучили моих глаз, отвыкших от света за время болезни.

– Вот теперь можно глоточек вина, – утвердительно сказала она.

– Да, пожалуй. Ченца!

– Моя госпожа?

– Дай мне неразбавленного вина!

– Что вы, доминика! Статочное ли дело – высокородной девочке пить неразбавленное вино!

– Ну, пожалуйста! Ведь никто не узнает!

– Ах, ладно! Только вы уж меня тогда не выдавайте!

– Разумеется. А почему ты стала обращаться ко мне на «вы»?

– Вы стали такой большой, доминика!

– Чепуха!

– Так-то так...

– Называй меня по-прежнему на «ты», умоляю! И расскажи, долго я болела?

– Минутку, только налью вина... Вот, возьми бокал, смотри, не пролей...

Я взяла свой детский бокал из дутого стекла, изнутри украшенный маленькими жемчужинами. Считается, что жемчужины потемнеют, если в вине будет яд. Сейчас, слава Богине, они были светлыми и по-прежнему прекрасными. Говорят, жемчуг – это слезы Богини, страдающей за грехи всех женщин мира...

Я отпила глоток. Вино было восхитительным. Впервые я пила его неразбавленным и чувствовала себя просто пре-

красно. Сладко-терпкое, оно оставляло мягкое послевкусие и пахло корицей и розами. Я выпила еще и еще, блаженствуя и осознавая, что испытание болезнью прошло, и я снова могу радоваться жизни, какой бы она ни была.

– Смотри, не запьяней, – шутливо проворчала Ченца и отобрала у меня пустой бокал. – Нет, вы подумайте только! Вылакала бокал вина, просто как заправский пьяница! И это – девочка!

– Ты только что утверждала, что я жуть как выросла.

– А ты за словом в карман не полезешь! Ох, милая, я так рада, что ты пошла на поправку. Ты так долго была без сознания, в жару...

– Как долго?

– Заболела ты весной, а сейчас уже давят вино из винограда нового урожая.

– Ого-го! Так Расскажи мне, что случилось за это время!

– Ну... Был пожар. Кое-кого похоронили... Приезжали дознаватели из столицы... Детка, успокойся, ты очень взволнована и покраснелась. Не надо думать об этом. Вот вырастешь большая, тогда и подумаешь.

– Ладно, – кивнула я и постаралась успокоиться. – Расскажи, что делается в кастильоне, в деревне...

– В кастелло всё по-прежнему. Домина Катарина с доном Фиchino отправилась к целительным источникам Санта-Торино. У нее сильно пошатнулось здоровье в связи с твоей... с твоим проступком.

– Что ж, это понятно! Можно подумать, высокородная девушка не может прикончить какого-то выродка!

– Это пятнает честь девушки...

– Интересно, чем же?!

– Трудно объяснить. Считается, что лицам женского пола вообще не положено убивать, а уж тем более – мужчин. Жизнь мужчины священна.

– А жизнь женщины, значит, нет?! Агору изуродовали! Дай мне еще вина!

Ченца торопливо налила в бокал вина и подала его мне. На сей раз я выпила его залпом, даже не чувствуя вкуса.

– Так, – мрачно сказала я, понемногу успокаиваясь и садясь на край постели. – Еще какие новости?

– Да особо какие... Твой благородный брат Франко, да хранят его боги, отправился на маневры по указанию рекса Альфонсо Пресветлого. Ой, еще ведь мессире Франко получил награду от его величества!

– Какую?

– Корундовый Орден Боевой Славы за заслуги перед *Патрией* и в придачу к нему – все земли от Амбры до Вайоленто. Говорят, это очень хорошие земли, можно посадить много виноградников и пасти большие стада. Ты должна гордиться братом, доминика Норма.

– Само собой, – хмыкнула я. – Слушай, мне после вина ужасно есть хочется. Обед скоро?

– Обед ты проспала, соня. Но я что-нибудь тебе раздобу-

ду. Вряд ли ты откажешься от мясного пирога и сыра.

– А, может, еще будут маслины? И мелко нарубленный укроп с оливковым маслом – у-м-м, обожаю!

– Конечно, моя госпожа. Всё будет. А сейчас давай, я помогу тебе одеться.

– *Мольто бене!*

Она поцеловала мне руку и вышла. В ожидании мясного пирога и прочих вкусностей я уселась на скамеечку у полуоткрытого окна. Воздух был прогрет и мягок, легкий ветерок колыхал шелковые занавеси, в окно заглядывала ветка коричневого дерева, источая чарующий аромат... Как всё напоено покоем! Даже мухи не летают, словно застыли в патоке...

Но что меня ждет?

Да, я ребенок, но я уже убийца, я запятнала руки кровью. Законы суровы к убийцам, особенно если убит мужчина. Может быть, тому, что меня еще не бросили в *prigione*, тюрьму, я обязана своим высоким происхождением? Дочь кавальери просто так, без большой коллегии судей, ни взять под арест, ни казнить не получится. И разве никто не вступится за меня, если дело все-таки дойдет до суда?

...Я слышала, как ржаво скрипят жуткие даже на вид цепи подъемного моста. Кто-то приехал в кастелло? Может быть, мать решила вернуться или Франко? Нет, вряд ли. Они не поторопятся приехать даже в случае моей скоропостижной *morte*. Так, об этом пока не будем. Что-то Ченца не то-

ропится, есть ведь хочется! Я сейчас готова съесть не только мясной пирог, но и целого молочного поросенка впридачу!

...Только я о ней подумала, Ченца оказалась тут как тут. В одной руке она несла запотевший глиняный кувшин, в другой – миску, накрытую salphetta.

– Доминика Норма, вот еда, кушай, только поторопись! Приехала какая-то дама в сопровождении трех всадников в лиловых плащах; управляющий отвел их в парадные покои. Поскольку ты сейчас одна из рода Азиттизи дома, тебе придется их принять, как главе кастелло. Да торопись же!

Я пристроилась у столика, Ченца сняла с миски тряпку. Фу, это оказался козий сыр! Правда, с оливками. Моя верная кормилица меж тем, пока я, давясь, впихивала в себя ненавистный сыр, налила мне апельсинового сока в бокал. Я прихлебывала его и искоса поглядывала на Ченцу – та открыла сундук с моими парадными блио и сорочками и, похоже, искала самый красивый наряд.

Я прикончила мерзкий сыр, допила сок и встала.

– Скорее переодевайся, доминика, гости ждут.

Я покорно снесла переодевание и заплетание косы, которая мне представлялась крысиным хвостиком. Геннин, это сложное головное украшение, мне еще не положено было носить, так, что лоб у меня был не выбрит, и это ужасно удручало. Хотелось выглядеть взрослее и солиднее.

Тут на пороге появилась моя новая менторша. Она оглядела мой наряд и одобрительно кивнула. Потом сказала:

– Идемте, доминика Норма. Вас ждут.

И она на «вы»! Боги мои!

Приноравливаясь к широкому шагу моей менторши, я зашагала торопливо и несолидно. Но вот мы подошли к дверям парадных покоев.

– Секунду, доминика. Сосчитайте от уно до децимо.

И менторша глубоко вздохнула.

Разумеется, я подчинилась. С последним числом, прошептанным под нос, в сердце вошло спокойствие и уверенность. Пусть мне всего три года, но я – рода Азиттизи, а наш род никогда ничего не боялся.

Я взглянула на менторшу и кивнула. Она распахнула двери покоев и провозгласила:

– Ее светлость доминика Норма, урожденная Азиттизи, урожденная Пьетро-делла-Чьяве, владычица Кастелло-дель-Чьяве, остров Малого Полукруга, земель Икономии, Сферополиса и Ондулато Фиори.

Это всё я? Ого-го!

Так. Теперь надо вспомнить, кто кому должен первым представляться. Я – хозяйка, они – гости, значит, представляются сперва они. Но я еще ребенок, тогда... О, боги!

Однако гости, будучи, видимо, людьми политесными, встали с кресел и изящно поклонились мне. Я стояла и рассматривала их, они – меня, похоже, не ожидали, что в качестве хозяйки их встретит такая *zanzara*¹. Но вот дама растя-

¹ Комар (ит.)

нула пухлые губы в неискренней улыбке и, качнув геннином, поклонилась (золотая блохоловка, висевшая на цепочке у пояса ее платья, нежно дзенькнула) и медоточиво произнесла:

– Благословеннейшая доминика, простите, что нарушили ваш покой своим внезапным посещением. Но тому есть причины. Однако позвольте представиться: я – контесса Альбина дель Джованьоли. А эти почтенные господа, мои спутники, конт Децимус, кавальеро Публий и комбатант Секвирий Секст, они сопровождают меня в этой поездке, суть коей будет вам незамедлительно изложена.

– Мольто бене, – сказала я. – Прошу вас садиться.

Сама я прошла к креслу, которое было больше меня почти вдвое, и кое-как уселась, стараясь держать надменный вид и высокородную спесь.

– Не угодно ли вам освежиться вином? – спросила я после некоторой паузы. – Ваш путь, вероятно, был долг и утомителен...

– Грацие, доминика, мольто грацие, – снова лживая улыбка контессы, похожая на лезвие. – Однако, если позволите, мы воздержимся от питья и еды, поскольку держим пост.

– А, да, разумеется, – кивнула я. Какой еще пост в это время? Сейчас варят сыры и давят виноградные гроздья, коптят колбасы и маленькие, острые и безумно вкусные *salsicce*,² которые можно, нацепив на стальной прут, жарить над очагом, наслаждаясь дивным ароматом и шипением жира на углях.

² Сосиски (ит.)

Только лютый человеконенавистник стал бы поститься в такую пору! И потом... Выпить вина в доме, куда ты явился с честными намерениями и открытыми мыслями – это знак того, что ты не замышляешь дурного против хозяев. Гость должен вкусить от лозы, пригубить вина, тем самым показав, что он – не враг. Это священная традиция, я помню, я учила! Конечно, падре Вильельмо сказал мне тогда, что это традиция сохранилась в домах простонародья, но, думаю, и этим знатым господам она известна.

Что-то не так, Спящий, что-то не так! Они приехали не просто поговорить о погоде. И – как досадно! – из хозяев в кастелло только я!

...А может быть, того они и добиваются? Будь стойкой и осторожной, Норма!

– Раз вы не желаете вина, быть может, перейдем к цели вашего приезда? – я сумела изящно повернуть голову и послать острый взгляд в комбатанта. Тот смешался и втянул голову в плечи. *Idiotto!*

– Разумеется, доминика, – кивнула контесса. – Прежде всего, я должна сообщить вам, что занимаюсь благотворительностью, и под моим покровительством находятся три высокопоставленных частных школы для девочек и девушек из благородных семейств. В этих школах особое внимание уделяется воспитанию у будущих матрон сознания того, что они принадлежат высокому роду и должны блюсти как свою честь, так и честь вскормившей их семьи. Девочки и девушки

ки обучаются рукоделиям, достойным их положения, также изучают музыку и *бельканто*, иностранные языки, танцы, риторику, богословие, этику, хорошие манеры... Также менторши, ответственные за образование девиц, обучают их некоторым естественным наукам в целях расширения кругозора.

– *Скузами*, простите, – нахально перебила я. – Какое отношение вы и ваши схолы имеете к роду Азиттизи?

– Самое прямое, – заверила меня контесса. – Позвольте мне зачитать отрывок из письма вашей матери, адресованного моей скромной особе.

– Разумеется.

Моя мать прислала письмо этой сушеной саранче? Да скорее небо брякнется на землю!

Контесса пошевелила пальчиками в своей *борсетта*, расшитой перламутром и нефритом, и извлекла исписанный листок бумаги. Интересно, это действительно почерк моей матери?

– Начало я пропущу, – предупредила контесса. – В нем речь идет о частных делах. А вот то, что касается исключительно вас, доминика Нормы.

Почему так тяжело на сердце?!

– Итак, – контесса развернула листок, – Читаю: «В последнее время я чрезвычайно обеспокоена общим неустройством нрава, поведением и поступками своей дочери Нормы. Боюсь, в связи с тем, что я отличаюсь слабым здоровьем, я

не сумела сыграть сколь-нибудь заметной роли в воспитании девочки. Мне трудно это признать, как отцу, но я должен сообщить вам, контесса: моя дочь крайне злонравна, склонна к общению с недостойными людьми, имеет порочные привычки, ленива, капризна, неблагочестива до того, что отваживается хулить Спящего и признаваться в безверии своему духовнику. Природные наклонности девочки ужасны; в столь невинном возрасте она уже познала некоторые отвратительные стороны жизни и, похоже, нашла в том некое удовлетворение. Я чрезвычайно встревожена таким состоянием Нормы. Сейчас ей всего шесть лет, а она уже является сосудом зол, греха и гибели. Чего же ждать дальше? С трепетом сердечным я представляю себе, как, подрастая, девочка будет постоянной угрозой чести рода, ее привычки и наклонности станут всё более развращенными и бесстыдными. Я дошла в своих страхах до того, что подозреваю свою дочь уже теперь в потере невинности, так развращено это дитя! Прошу, нет, умоляю вас, контесса: примите мою Норму в одну из опекаемых вами школ; пусть это будет учебное заведение самого строжайшего распорядка, менторы в нем не должны делать девочке никаких послаблений и скидок на возраст, наоборот, ввести самые жестокие способы телесного наказания по отношению к ней. Лишь строгостью, жесткостью и жестокостью возможно искоренить в этом ребенке порочный нрав и преступную злобность... Поэтому, контесса, едва вы получите это письмо, прошу вас незамедлительно отпра-

виться в Каstellо-дель-Чьяве и предъявить свои права на Норму, которые я вам в этом письме полностью предоставляю. Если вы встретите непонимание со стороны менторши моей дочери, а также домоправителя, покажите им это письмо. Они обязаны отпустить с вами девочку: это мой безоговорочный приказ. Я вверяю ее вашей власти, вы вольны делать с нею, что угодно, лишь бы это служило исправлению ее порочности. Если Норма откажется ехать с вами, примените всю возможную силу, а также скажите ей, что в случае неповиновения вам я отрекаюсь от нее, как от дочери, лишаю ее своего родительского благословения и покровительства, она не получит положенного наследства и титула; более того, я клянусь, что лично продам ее в рабство в любое из чернокожих племен Архипелага Слоновой Кости. Надеюсь, вы исполните мою просьбу, причем в скором времени, также надеюсь, что ваши усилия не пропадут втуне, и Норма станет порядочной благодетельной девушкой, достойной носить фамилию Азиттизи. Прошу вас запретить ей общаться с другими воспитанницами, запретить разговоры, сплетни, лакомство, привязанность к вещам и безделушкам и так далее. Вы знаете, что надобно делать. Разумеется, я выплачу любые суммы по первому вашему требованию, деньги будут взяты из наследственной доли Нормы. Засим остаюсь ваша покорная слуга, вдова Азиттизи. Писано в день св. Сабато месяца агосто, пятого года правления рекса Альфонсо Светоносного».

Она сложила листок пополам и спрятала в борсетта. По-

том долго и испытующе глядела на меня. О Спящий! Я была оглушена, раздавлена, убита! Моя мать считает меня порочной! Моя мать готова отречься от меня! Готова даже продать меня в рабство! А схова! Это что, вроде многоместной тюрьмы для девочек, которые вызвали гнев у своих родителей?!

Я соскочила с кресла и подбежала к окну. Мне хотелось вспрыгнуть на подоконник, распахнуть створки и броситься вниз, прямо на острые камни замкового двора! Лучше смерть, чем такой ужас! Неужели только для этого меня лечили и опекали!

Видимо, контесса догадалась о направлении моих мыслей. Она качнула кистью руки в мою сторону и тихо проговорила:

– Комбатанте, прошу вас...

Узкий и щуплый мужчина с вислыми усами встал и шагнул ко мне, лицемерно улыбаясь:

– Доминика Норма, что это вы задумали? Вернитесь в кресло, *пэр фаворэ*!

Меня затрясло от ненависти:

– Не смейте мне указывать в моем доме! Убирайтесь, все убирайтесь! Это ложь, мой отец не мог написать такое! А если даже и написал, я никуда не поеду! Ни в какую схолу, будь она проклята! Шагу не ступлю из кастелло! Охрана, на помощь!

Я напрасно их звала. Нет, я не верю, что они меня предали, просто им запретили даже нос высовывать с людской половины замка. Я знаю, они меня жалели и несмотря ни на

что, не считали меня сосудом зла и греха.

Комбатанте шел прямо на меня, чуть пригнувшись, мерзко улыбаясь, растопылив руки, словно мы собрались играть в салки. Я отступала от него, мне была омерзительна даже мысль о том, что его тонкие, похожие на дождевых червей, пальцы коснутся меня, моей одежды.

– Не подходите ко мне! – завизжала я, а когда он все-таки приблизился, чтоб меня ухватить, извернулась и сумела лягнуть его прямо в пах. Он скорчился и отскочил.

– Зачем вы так, доминика Норма, – мягко встала с кресла грациозная тварь, контесса. – Мы все хотим вам добра...

Меня трясло, во рту пересохло, сердце бухало где-то у горла. За контессой потянулись остальные участники этого ужаса. Они наступали на меня и загнали в угол комнаты. Кавальери схватил меня за запястья и во мгновение ока связал их чем-то, похожим на гибкую серебристую змейку. Я визжала, лягалась, умоляла, плакала, ругалась, но все было тщетно. Вислоусый подобрался ко мне со спины, обхватил за талию и повалил на пол. Контесса накрепко стянула веревками мои колени и лодыжки. Я корчилась на полу, а они, победив, с каким-то извращенным наслаждением смотрели на меня.

– Помогите... – прошептала я неизвестно кому.

И никто не услышал.

– Действительно, испорченная девочка, – раздумчиво сказала контесса, роясь в борсетке. – Нам придется над ней мно-

го работать, господа.

Из сумки она извлекла алый шелковый платок и небольшой флакончик в золотой оправе. Осторожно открыв его, она капнула прозрачной жидкостью на платок, держа его подальше от собственного лица. Вислоусый наклонился ко мне и двумя руками стиснул мою голову, так, что я не могла ее повернуть.

– Пока отдохни, дитя, – усмехнулась контесса и накрыла мое лицо платком.

Я не могла долго задерживать дыхание. Я сделала вдох. Тошнотворно-сладкий, душный вкус заполнил рот и нос. Я закашлялась, но снова пришлось вдохнуть. Потом еще.

И я умерла.

Глава шестая

Как хорошо, что я умерла! Просто здорово! Вокруг тишина, свет и покой. Никто не кричит, не трогает, не мучит. Наверное, я оказалась на просторах той вечности, где почивает Великий Спящий. Вот и ладно.

Я стояла по пояс в траве. Негромко пели цикады, пахло фиалками и лилиями. Я посмотрела вверх – небо было прозрачно и безоблачно. И кажется, оно улыбалось мне.

Мне хотелось стоять и стоять, чуть покачиваясь, подобно травинке, напоенной нектаром. Но наверное, это неправильно. Наверное, надо куда-то пойти, сообщить о себе: вот, дескать, пришла сюда к вам такая девочка по имени Норма, дайте ей какой-нибудь домик и стакан апельсинового сока. Или просто апельсин.

Первый шаг почему-то дался нелегко. А потом я тихо пошла по траве. Она сгибалась, и распрямлялась за моей спиной, венчики ее щекотали мне ноги...

Впереди блеснула река. Воды ее катились неспешно, а там, где я встала, как по волшебству, через речку перекинулся мост – небольшой, из смолистых бревнышек. Ну, раз мост, значит, надо его перейти, верно?

Я оказываюсь на другом берегу, река тихо шумит за спиной. Иду дальше, и вот – новое изменение в картине: передо мной что-то вроде деревушки: скромные дома, стены их

побелены, в окошках блестят чисто вымытые стекла. Из одного дома выходит женщина. Она молода и красива, я вижу это издали и спешу к ней. Улыбнувшись, она идет мне навстречу, протягивает руки, и вот я уже кончиками пальцев касаюсь ее запястий. Потом пристально гляжу в лицо девушки.

– Боги мои! Ты – Агора! – радостно вскрикиваю я. – Так ты тоже здесь!

Она радостно смеется, обнимает меня за плечи:

– А пойдём-ка, выпьем вина, доминика Норма!

Мы входим в её домик. Изнутри он весь такой чистенький и уютный, что сердце радуется! С полки Агора берет кувшин и стаканы, ставит на стол, потом из ларя появляется душистый пшеничный хлеб, бутылочка с оливковым маслом, круг сыра, персики, бархатистые и нежные, сливы с налетом белой пыльцы и веточки укропа.

– Разве мы столько съедим? – спрашиваю я и чую собачий голод.

– Конечно!

За столом, накрытым вышитой скатертью, уставленном яствами и вином, так здорово просто сидеть и болтать о том, о сем!

Агора наполняет бокалы:

– Давай выпьем за нашу встречу!

Я делаю глоток. Ах, как хорошо! Это вино легкое и улыбочивое, доброе и простое, как весь мир вокруг. Я с жадностью

набрасываюсь на еду. Хлеб так вкусен! Персики так сладки! А сыр!!! Его, наверное, делают из молока небесных коров, если есть такие... Наевшись и напившись так, что пузо надувается барабаном, я блаженно смотрю на Агору. Всё. Я больше никуда не хочу. Я дома.

Во взгляде Агоры проступает грусть.

– Нет, милая, ты не дома. Точнее, не совсем дома. Ты не умерла телом, твое тело крепко спит, а душа... душа пришла сюда.

– Но у женщин нет души! Так считают богословы...

– Они просто глупцы. Что с них взять? Ведь они никогда здесь не будут. Если только станут делать милость всем живущим...

– А что это за место?

– Это не совсем место. Это... состояние. Это рай. Здесь пребывают души умерших людей, таких, которые жили доброй жизнью, не роптали, не осуждали других, не завидовали, не превозносились, не творили зла. Не крали, не убивали...

– Тогда мне здесь не место, – решительно сказала я. – Я убила. Того мерзавца, из-за которого ты пострадала.

Агора тихо гладит меня по голове:

– Вот поэтому ты должна вернуться. Тебе многое придется претерпеть, многому выучиться, многое понять. Знаешь, на самом деле, нет ни Великого Спящего, ни Богини. Есть Некое Все Сущее, у Него нет имен. И Оно учило людей жить иначе, не так как мы жили на земле.

– А как?

– Ты поймешь, когда вернешься на землю. А я постараюсь помочь тебе на твоём пути. Он будет долгим...

– Как же я на нём без тебя...

– Просто надо научиться смотреть, а иногда на это уходит вся жизнь, – Агора снова погладила меня по голове. – Ну, ладно, тебе пора возвращаться. Живи, держись, терпи. Люби людей по возможности. Я... если мне позволят, я хотела бы быть твоей покровительницей.

– Наверное, позволят... – прошептала я. – Ты такая...

– Да какая? Менторша. Вот забавно, смотри: менторша будет покровительствовать дочери высокородного кавальери.

– А что такого? Будет здорово!

Она целует меня, но не так как мать или няня. Она целует меня в обе щеки и касается губами моих плеч, шепча при этом:

– Здесь когда-нибудь будут крылья...

И с этим ощущением невесомых поцелуев на плечах я просыпаюсь.

Первое, что я вижу – плотно пригнанные друг к другу доски над головой. Они сочатся влагой, всё вокруг куда-то кренится, от этого я чувствую дурноту, а ещё на лоб падают холодные капли. Где я?

Страшная догадка пронзает мне грудь. Я в гробу, меня похоронили заживо эти твари – контесса и её приспешники!

Я вскрикиваю от отчаяния и перехожу в сидячее положение. Нет, сбитые доски высоко, рукой не достать, в гробу, наверное, было бы потеснее! Я отчаянно гляжу по сторонам, и вот что вижу...

Я в довольно маленькой комнатухе без окон, сижу на узкой койке, которая крепится к стене с помощью жутко ржавых цепей, источающих противный кислый запах. Еще в стену вбит крюк, а на нем покачивается фонарь – свечка в стеклянном колпаке. Ее неверный свет почти не рассеивает темноты, что я могу – так это оглядеть себя. Гм. На мне вовсе не парадное блио, в котором я явилась на встречу с контессой, а что-то вроде холстинного кусачего мешка с прорезями для рук и головы. Обуви тоже нет. Похоже, об этом позаботилась контесса и ее дружки. Пес с ней, с одеждой! Важнее другое: где я нахожусь?

Комната вдруг начинает сильно крениться то на один бок, то на другой. Ужасно противно! Меня подташнивает, лоб покрывается испариной. Но это не у меня очередной бред, комната действительно качается!

Я свешиваю ноги с кровати и пристально вглядываюсь в темноту. Скоро глаза привыкают к этому, и тогда я вижу другую койку, прикованную к противоположной стене. На койке темнеет какой-то ворох.

– Эй, – пискливо заявляю о себе я. – Ты кто? Ты спишь? Ты человек?

Подойти и коснуться непонятого вороха – на это мне по-

ка смелости не хватает. А вдруг на полу какие-нибудь кусачие твари, вроде крыс или пауков?

Мне кажется, что я сижу на койке целую вечность, а вокруг всё так же кренится и шатается. Наконец, я отбрасываю страх и протягиваю руку к фонарю. Сняв его с крюка (пламя трепещет и норовит погаснуть), я свечу на пол. Он черный, мокрый и грязный, но ни крыс, ни пауков вроде нет. Я спустила ноги с кровати и встала.

Несколько осторожных шагов – и я у противоположной койки, свечу фонарем на ворох тряпья.

– Эй, – я тычу ладонью в тряпье. – Эй, ты слышишь меня?

И на всякий случай отхожу на шаг.

Груда тряпья издает протяжный тихий стон. Может быть, это бродячая собака?

– У меня есть палка, – говорю я на всякий случай. Мало ли что...

Из тряпок высовывается маленькая грязная рука. Нет, не собака. Все-таки человек. Этой рукой существо отводит клок черной тафты с головы, и я вижу бледное худенькое личико, глаза, обведенные темными кругами усталости и нужды, бескровные губы...

– Ты мальчик или девочка? – спрашиваю я.

Существо садится.

– Мальчик, скажешь тоже... – хрипло говорит существо. – Разве с мальчиками так обращаются? Я девочка.

Тафта сползает с ее плеч, и я вижу длинные растрепанные

волосы. В свете фонаря видно, какие они грязные. И по ним ползают вши. Девочка цепко ловит одну вошь, давит – мерзкий щелчок! – и смотрит на меня.

– Чего тебе надо? – спрашивает она сердито. – Мне такой сон снился, а ты...

– Прости, – говорю я, – но я хочу знать, где мы? Что это за ужасная комната?

– Это не комната, а каюта, – зевнув, говорит девочка. – Мы на корабле. Хотя ты вряд ли знаешь, что такое корабль, ты такая малявка.

– А вот и знаю! – говорю я сердито. – Корабль – это, это... ну, много парусов и мачт, и он плывет по воде... А как мы попали на корабль?

– Ты что, ничего не помнишь? – удивляется она.

– Я помню... в замок моего отца явилась контесса Аль... Альбина и какие-то мужчины... потом они связали меня, алый платок... Я умерла!

– Нет. Ты просто потеряла сознание от паров эфира.

– Эфир? Что это за гадость?

– Такой вонючий воздух. Вдыхаешь его – и теряешь сознание. И тебя могут увезти куда угодно и сделать с тобой что угодно, силы твои пропадают.

– Значит, меня увезли из кастелло...

– Да уж наверняка. Мы с другими девочками видели, как тебя привезли в схолу Санта-Барбарелла. А потом тебя вместе с нами посадили на корабль.

– С кем – с вами?

Она усмехается.

– С девочками плохого поведения. Нас на корабле везут в исправительный замок, Кастелло-дель-Мизерикордиа.

– Мизерикордиа... Милосердие...

– Чего-чего, а уж милосердия в этом замке точно не будет, я-то знаю. Девочки со старших *корсо* говорили, что лучше умереть, чем попасть в Кастелло-дель Мизерикордиа. Но как ты хорошо ни учись, как ни веди себя благопристойно, всё равно найдется причина, по которой тебя отвезут на остров Инкубо.

– Инкубо... Значит, кошмар.

– Да. Говорят, на этом острове все кошмары воплощаются. И на острове тебе придется помучиться, прежде чем придет смерть.

– Ты так уверенно говоришь... Как будто уже была там.

– Была, – спокойно сказала девочка. – Целый год, но мне он казался вечностью. Потом меня вернули в схолу, а теперь вот, снова сюда...

– За что тебя взяли? Ты плохо себя вела?

– Обыкновенно. Не лучше и не хуже других девочек. Просто моему опекуну снова надоело платить деньги за мое пребывание в сколе. Родителей-то у меня нет: мать умерла, когда меня рожала, а отец – двумя годами позже, от черной лихорадки...

– Сколько же тебе лет?

– Шесть. А тебе?

– Тоже.

– Ты совсем малявка. Такая худая и маленькая! Помяни мое слово – ты умрешь в первые полгода пребывания в на острове.

– Почему?

– Кормежка дрянь, холодно, сыро, могут укусить крысы – тогда плоть начинает заживо гнить и отваливаться кусками, и так – пока не сгниет сердце и легкие.

– Это правда? – ужаснулась я.

– А чего мне врать? – хмыкнула девочка. – Тебя как зовут?

– Норма.

– Меня – Белла. Только не похожа я на красавицу.

– Ты высокого рода?

– О да, выше не бывает! – снова хмыкнула Белла. – Мой отец был первым при дворе его величества. А толку! Это не спасло его от лихорадки, а меня – от Кастелло-дель-Мизерикордиа. Опекун забрал все земли и богатства, я ведь не являлась наследницей, отец не успел составить на мое имя завещание. Да и вообще, к девочкам так относятся...

– Как?

– Разве непонятно? Глупая ты какая-то. Когда рождается мальчик, особенно у высокородных, ему сразу отводят самую роскошную комнату дворца, назначают лучших кормилиц и менторов. По жизни его сопровождает богатство и почитание, его любят и ценят. С девочками не так. Они не нуж-

ны. Даже богачам. Ведь девочке надо готовить приданое, искать мужа... Мой отец, например, никогда меня не видел.

– Мой, наверное, тоже...

– Ну вот. Конечно, будь мы *регинами*, относились бы к нам по-иному, а раз нет – ждать хорошего нечего. Эх, жрать хочется! А до обеда еще два часа!

– Откуда ты знаешь? – изумилась я.

– У меня такой дар. Я всегда знаю, который час, сколько раз себя на этом проверяла. Только никому не говори.

– Почему?

– Считается, что ты колдунья, если у тебя есть какой-то дар, которого нет у остальных людей. А колдуний боятся и ненавидят, стараются поскорее от них избавиться.

– А как это – колдунья?

– Ну, это женщина или девочка, которая может управлять природой, как Спящий. Летать. Читать мысли других людей. Предвидеть будущее, воспламенять взглядом какие-нибудь вещи.

– Но это же здорово!

– Ха! Считается, что такие способности даны злыми духами, чтобы соблазнять и пугать людей. Колдуний живьем сжигают на кострах.

– Ой!

– Что, напугала тебя?! Смотри, не проболтайся, не то меня сожгут! А теперь поспи сама и дай поспать мне.

– Я очень хочу пить.

– Посвети фонарем вон туда. Увидишь стол, на нем – кувшин и кружки. Вода отдает тухлинкой, но если хочешь пить, и такую выпьешь. Всё, не мешай мне. Спать хочу.

С этими словами она улеглась на койку и накрыла свое лицо куском грязной тафты. А я посветила фонарем в указанном направлении и действительно обнаружила стол из грубо сколоченных досок, Рядом стояли два стула. Я поставила фонарь на стол, налила себе из кувшина воды. Она действительно мерзко пахла, но я так хотела пить, что переборола отвращение и выпила. В животе противно заурчало. Вообще-то и мне есть хочется. Интересно, что будет на обед? Я бы сейчас съела творожный пирог, или булок с маком, или тушеную утку со сливами, или... Ой, нет, надо прекращать такие мысли, а то уже весь рот полон слюны, она сейчас начнет капать мне на колени!

Я решила сменить направление своих раздумий. Белла сказала, что мы плывем на корабле. Интересно, какой он? Как выглядит?.. Что будет со мной? Я стиснула зубы. Не реветь! Вот что, надо выбраться на палубу и оглядеть корабль. Что толку сидеть в этой комнатушке и страдать от качки? Так хочется глотка свежего воздуха!

Я повесила фонарь на крюк, потолклась по каюте и наконец, нашла трап и дверь, ведущую наружу, она была почти под самым потолком. Поскольку Белла уже храпела, я не стала приглашать ее в это путешествие.

Выбравшись наружу, я по инерции сделала несколько ша-

гов вперед, а потом замерла, как вкопанная.

Корабль был огромен. Его палуба была, как поле, основания мачт напоминали цельные стволы деревьев, слышался жуткий вой – это ветер свистел в парусах. Я задрала вверх голову – мачты терялись в переплетении бегучего такелажа. И протыкали собой облака.

Погода была мрачной. Ветер гнал сизые толстые тучи, было холодно, так, что я продрогла и уже подумывала вернуться в каюту. Но так хочется всё осмотреть! Я осторожно двинулась вперед, поминутно оглядываясь – я боялась, что не смогу отличить дверь своей каюты от ряда таких же серо-грязных деревянных дверей. Но потом страх прошел. Я шла по палубе, покачиваясь и широко расставляя ноги, и осматривалась. Корабль явно знал лучшие времена. Планшири разрисованы растительным узором, правда, изрядно потускневшим, по фальшборту вилась резьба...

Вдруг кто-то гулко кашлянул у меня за спиной. Я подскочила, как ошпаренная, и оглянулась. Это был здоровенный мужчина в темно-синей сорочке с пышными рукавами, дублете, отороченном мехом, обтягивающих шоссах, кожаных сапогах и темно-красной шерстяной накидке. Он был совершенно лыс, но при этом жутко бородат. Темные глаза сверкали, как гагатовые бусы моей кормилицы. Ах, Ченца, Ченца, как далеко ты теперь от меня! И наверное, мы никогда не увидимся!

Сжавшись, я молча наблюдала за здоровяком. От мужчи-

ны можно ожидать всего, причем не лучшего. Сейчас как возьмет, да вышвырнет за борт! Или насильничает. А потом зарежет, вон у него какой кинжал привешен к бедру! И закончится моя жизнь, так и не начавшись толком. Падать перед ним на колени и умолять о пощаде не буду, умру гордой и несломленной...

– Вышла подышать воздухом, пигалица? – пророкотал густым басом мужлан. – Смелая ты, однако. Шторм шесть баллов, а она прогуливается, вы поглядите! Как тебя зовут?

– Норма, мессире, – пискнула я. Вышло жалобно. Но похоже, он меня не тронет. Ура!

– Какой я тебе мессире! – усмехнулся в бороду он. – Я простой подшкипер и зовут меня Гордони. Паоло Гордони. Небось, есть хочешь?

– Вообще-то, да, – осмелела я. – Не помню, когда ела в последний раз.

– Да уж, не балуют вас, девчонок, – вздохнул подшкипер. – Капитан всё трижды проклял за то, что взял вас на борт. Женщина на корабле – к беде, а уж такие бедолаги, как вы, своими слезами и накликали этот шторм. И похоже, ветер крепчает. На!

Он протянул мне кусок чего-то темно-коричневого и ужасно сухого. Я робко взяла.

– Не бойся, это вяленая говядина. Грызи ее, всё не так будет голодно.

Я кивнула и вцепилась зубами в кусок высохшего мяса.

Оно показалось мне самым изысканным лакомством на свете.

– Пойдем, посидим, – предложил мне подшкипер.

Мы сели на бухту каната, я грызла мясо, не в силах от него оторваться, а дон Гордони достал из кармана толстую коричневую палочку и поджег ее с одного конца, а другим концом вставил в себе рот. Палочка принялась дымиться, очень душистым дымом, подшкипер втягивал в рот этот дым, выпускал его через ноздри и, похоже, был весьма доволен таким времяпровождением.

– Как ты попала в общину сестер Святого Терпения? – вдруг спросил он меня.

– В общину? – удивилась я. – Я не...

– Так ты ничего не знаешь? Дуреха... – он втянул и выпустил дым. – Говорят, община сестер Святого Терпения заботится об исправлении испорченных девушек и женщин. На острове Инкубо у них замок – Каstellло-дель-Мизерикордиа... Только я не вижу, чтоб о вас на корабле особо заботились. Ты знаешь, что всем девочкам не разрешается выходить из кают?

– Нет. Но в каюте так затхло и душно! И потом, где здесь... toilette?

– А, галюн! Туда положено ходить только команде. А у вас в каютах должны быть горшки.

– Хорошо, я вернусь и поищу.

– Бедная ты малявка! Что за роба на тебе! Чайнские кули,

которые таскают на спинах мешки с грузом муки и кофе, и те одеты получше! И ты к тому же босая!

– У меня, наверное, украли одежду и обувь, – проговорила я, загоняя в горло слезы вместе с очередным куском говядины. – Меня лишили сознания, а очнулась я уже тут...

– Сволочи! – рыкнул подшкипер. – Такое творить с детьми! Это беззаконие!

– Моя мать, – прошептала я. – Она хотела, чтобы меня забрали в школу для исправления девочек...

– Чего ж ты такого натворила, раз мать так на тебя разгневалась? Ведь тебя от нактоуза не видно!

– Я... убила мужчину.

– Да ты что? Взрослого мужика?!

– Да.

– Держись крепче! И чем ты его?

– Своим stiletto.

– А по тебе не скажешь, такая маленькая и тихая девочка! За что ты мужика-то? Полез к тебе?

– Почти.

И я пересказала подшкиперу свою историю.

– Да уж, дела, – проговорил он, покачивая головой, когда я закончила. – Может, для тебя и лучше, что ты попадешь на остров Инкубо. Зато ты избежала тюрьмы и мучительной казни.

– Наверное, – протянула я.

И тут на палубе появился новый человек.

Да, забыла сказать, разумеется, на палубе было полно матросов – как-никак, шторм. Но всякий из них так был занят своим делом, что не обращал на меня никакого внимания. Видимо, у подшкипера просто выдалась свободная минутка.

Так вот, о новом человеке. Это была высокая, сухопарая дама, одетая в глухое черное платье и такой же черный плащ. Лицо ее напоминало мраморную маску, и только глаза горели жутковатым изумрудным светом.

– О мамма миа! – прошептал подшкипер. – Беда, девочка.

Неужели эта дама – капитан корабля и сейчас накажет дона Гордони за то, что он не занят делом, а болтает со мной?! Но всё оказалось гораздо хуже.

Дама остановилась напротив меня и рывкнула:

– Немедленно встать, дерзкая девчонка!

Я вскочила и сжалась. Мне показалось, что она меня не просто ударит, а сделает еще что-нибудь мерзкое, например, отгрызет мне палец.

Дама оскалилась, показывая жуткие острые зубы. Глаза светились, как два фонаря. Да человек ли она?! Может быть, она – зло й дух?

Она приблизилась ко мне вплотную и костлявыми пальцами впилась в мое плечо:

– Как ты посмела покинуть свою каюту? Это запрещено!

– Я...я...

– Девочка просто захотела подышать свежим воздухом, – вступился за меня подшкипер. – Не наказывайте ее, сорелла.

– Благодарю вас за совет, сударь, но позвольте мне заниматься моим делом, раз уж вы не занимаетесь вашим. Боюсь ошибиться, но ведь именно вам поручено вывести корабль из шторма? – уничтожающе проговорила дама.

– У-у, сука, – пробормотал дон Гордони и встал. Подмигнул мне и пошел гонять матросов.

Он пытался выручить меня, но у него не вышло. И я не осуждаю его за это.

– Ваше имя, дрянь, – процедила дама.

– Норма Азиттизи, – сказала я и во мне взыграла фамильная гордость. – Не смейте называть меня так! Я дочь кавальери! Извольте именовать меня доминикой.

Она сняла руку с моего плеча.

Только для того, чтобы закатить мне такую пощечину, что я свалилась, как подкошенная. Во рту стало солоно от крови. Она мне зуб выбила!

Я выплюнула зуб и тут же скорчилась от нового приступа жуткой боли – она ударила меня ногой в живот.

– Как дышится воздухом? – насмешливо поинтересовалась она. – Встать, быдло. Иначе я еще раз ударю. Я могу бить вас столько, сколько мне угодно и как угодно. Я могу даже убить вас и не потерплю за это наказания! Забудьте, что вы были дочерью кавальери. Отныне вы подопечная общины сестер Святого Терпения. Вы хотите что-то сказать?

– Не бейте меня, – прошептала я. Надо мной всё кружилось в алой пелене боли.

– Встать, – повторила она.

Я кое-как встала.

– Не проводить ли вас до каюты, доминика? – о, эта мерзкая усмешка, делающая ее похожей на хохочущий череп!

– Я дойду, благодарю вас...

– В таком случае, поторопитесь. Вам еще надо отдохнуть перед обедом.

Я доплелась до каюты, открыла дверь, кое-как спустилась по ступенькам и без сил рухнула на койку вниз лицом. Подушка пахла рвотой. Я перевернулась на спину и заплакала. Чего мне ждать от этой проклятой жизни? Сколько еще мучений выпадет на мою долю?!

Я плакала, слезы катились по щекам и попадали в уши. Скоро у меня будут полны уши слез и я оглохну. Ну и пусть!

– Эй! – послышалось с соседней койки. – Норма, ты чего реवेशь?

– Я вышла из каюты, и меня заметила какая-то жуткая фемина... Она избила меня!

– Это, наверное, сестра Чечилия. Отвратная баба! Ей поручено перевозить девочек на остров. Конечно, она разозлилась на то, что ты вышла прогуляться. Нам это запрещено! Наверное, боятся, что матросы нас пожалеют и вышвырнут за борт, чтоб мы утопили и не узнали больше никаких мучений.

– Это ужасно, ужасно, ужасно! Почему это случилось со мной? Я ведь только начала жить! Я даже читать и писать не

умею толком!

– Думаешь, в жизни это тебе пригодится? В Каstellо-дель-Мизерикордия этому учат, но больше учат, как пресмыкаться, как терпеть боль от бесчисленных побоев, как мыть полы и скоблить отхожие места. Если ты выживешь и сможешь выдержать там семь лет, то тебя, скорее всего, продадут какому-нибудь храму или ордену – они покупают таких девочек, чтобы они просили милостыню или служили мужчинам...

– Как это?

– Ну, если честно, я не знаю.

И тут до меня дошло.

– Семь лет?! Ты сказала, семь лет? О боги!

Ужас преисполнил меня решимости.

– Я убегу.

Белла хихикнула.

– Дура ты, – сказала она. – Оттуда не сбежишь. Думаешь, до тебя никто не пробовал? Их трупы давно расклевали те злобные твари, которые кружат над островом. Тех девочек повесили, перед тем живьем посадив в железные клетки. Они медленно умирали от жары и холода, от голода и жажды, от укусов летучих тварей...

Я побелела от ужаса.

– Откуда ты знаешь?

– Всех девочек, прибывающих в Каstellо, ведут сначала на площадку, где стоят виселицы, для устрашения. Так что

бегут немногие.

– Неужели нет никакого выхода?

– Наверное, есть, – протянула Белла. – Только я его не знаю. Ты поспи. А там и обед скоро.

Она повернулась ко мне спиной и снова захрапела. А я лежала, сотрясаемая дрожью ужаса и отчаяния. Никто не поможет мне! Я умру, умру так скоро!

Я долго плакала, а потом заснула от изнеможения.

Мне приснилась Агора. Во сне она обняла меня нежными руками и прижала к своей груди. Было так тепло и уютно!

– Не грусти, – сказала она. – Не отчаивайся. Тебе будет трудно, но я помогу. Я буду отгонять от тебя зло. Правда, силы мои невелики, но я постараюсь...

Она улыбнулась, и мне показалось, что вокруг стало светлее...

Я проснулась, полная надежд и ужасно голодная. Может, обед уже скоро?

Проснулась и Белла. Она показала мне, где стоит горшок, и очень вовремя! А потом мы просто болтали ни о чем. Мне уже не было так страшно. Я рассказала Белле о том, что натворила в своем родовом замке. Она пожалела, что у меня нет моего stiletto. А то мы бы закололи сестру Чечилию, подняли бунт на корабле и велели бы команде везти всех нас на Теплые острова. Размечтались!

Я, правда, не поняла, что это за острова. Белла просто сказала, что там круглый год спеют персики и виноград, нет хо-

лодов, можно просто жить в хижине из листьев, пить воду из ручья и загорать на солнышке. Глупости какие-то...

Тут в дверь нашей каюты громко постучали.

– Обед! – радостно завопила Белла. Я тоже приободрилась.

Дверь открылась и на пороге каюты появилась тощая фигура в черном. В одной руке она держала дымящийся котелок, распространявший аромат вареных бобов, в другой – деревянный поднос с единственным куском хлеба.

– Бамбина Белла, вам положены вареные бобы. – Сказала она. – Подойдите и возьмите котелок.

Белла вскочила и подбежала к ней.

– Сначала молитву, бамбина, – строго рыкнула раздатчица.

Белла кивнула и молитвенно сложила ладошки:

– Воздаю благодарение Великим Спящему, подателю пищи и всяческих благ. Снизойди на меня, милость божья, и помоги мне исправить мои дурные наклонности!

– Вы прочли молитву слишком поспешно, – с укором сказала худышка. – Но так и быть, вот вам ваши бобы.

Она протянула котелок Белле. Та схватила его и, усевшись на стул, стала руками выхватывать из котелка горячую смесь из толченых бобов и каких-то пряностей. Я ее понимала, у меня тоже живот подвело.

Худышка посмотрела на меня.

– А вам бобовая каша не положена, бамбина Норма, –

строго сказала она. – Сестра Чечилия сказала, что вы нарушили правила и вышли на палубу. Поэтому вы получаете только этот кусок хлеба. Подойдите и прочтите молитву.

Я подошла и крикнула ей в лицо:

– Передайте сестре Чечилии, что она дура! Я готова съесть целого жареного быка, а она посылает мне только кусок хлеба! Будь она проклята!

– Вы отвратительная девочка, Норма! – рывкнула раздатчица. – Вы и этого хлеба не получите! Голодайте до завтрашнего утра и мечтайте о жареном быке!

Она злобно ухмыльнулась и, повернувшись к нам спиной, ногой захлопнула дверь.

Я стояла и стискивала кулаки от гнева. И услышала рассудительный голос Беллы:

– Ну ты и дура! Чего ты добиваешься?

– Справедливости.

Она захихикала.

– Так ты долго не протянешь! Ешь теперь свою справедливость вместо хлеба!

И она сунула в рот пригоршню толченых бобов.

У меня закрутило в животе.

– Может, ты дашь мне немного своих бобов? – жалобно спросила я у Беллы.

– Еще чего! – ответила она сердито. – Мне и самой-то мало. Каждый сам за себя. Вот это и есть справедливость.

Она принялась уплетать бобы с удвоенной силой, а я си-

дела и сглатывала слезы. Она была права. И что у меня за язык! Ляпнула, что не надо и не получила даже куска хлеба!

Через некоторое время Белла прекратила чавкать. Она попыталась вылизать котелок, но не получилось.

Снова открылась дверь. На пороге появилась сгорбленная старушонка.

– Привет, Вонючка! – радостно воскликнула Белла.

– Давай свой котелок и горшок, бамбина, – проскрежетала старушонка. – А не то придется тебе какать в собственный карман.

И обе захохотали. Я легла и повернулась к ним спиной.

Но заснуть не могла.

Глава седьмая

Ту неделю, что нас везли на корабле на остров Инкубо, я помню не очень хорошо. От потрясения у меня стали повторяться судороги, и чтобы я поменьше кричала от боли, мне стали давать сонные маковые капли. Всё становилось каким-то призрачным, я спала и не спала, почти ничего не ела – от сонных капель пропадал аппетит.

Потом, наверное, сестра Чечилия испугалась, что я умру от истощения и плохих условий, и велела перевести меня в корабельный лазарет. Я помню, как лежала на койке, застеленной простынями, укрытая теплым одеялом, а корабельный лекарь с ложечки поил меня сахарной водой, кормил пшеничным хлебом с маслом.

– Как вас зовут, мессире? – спросила я его, как только смогла говорить.

– Лекарь Марсино Гоцци к вашим услугам, милая бамбина, – улыбнулся он. – Кажется, вы начинаете поправляться.

– Я была больна?

– Совершенно верно. У вас слабое здоровье. Вам никак нельзя волноваться и давать волю чувствам. По вашему пульсу я определил, что сердечко бьется слишком часто. А это опасно. У вас иногда будет кружиться голова, сохнуть во рту, руки и ноги ослабеют.

– Но что же мне делать? – простонала я. – Значит, я скоро

умру, да? Верно, умру. Потому что везут меня на верную смерть!

– Успокойтесь, бамбина Норма. Я имел долгий разговор с вашей начальницей, сестрой Чечилией. Я уверил ее в том, что вам требуются щадящие условия жизни. Во всяком случае, пока не пройдут судороги и частый пульс. Она согласилась с тем, что по прибытии на остров вас положат в больницу.

– Она лжет.

– Надеюсь, что нет. Я постараюсь как-нибудь приехать к вам. А теперь выпейте две ложки моего эликсира. Не волнуйтесь, он очень сладкий и полезный. Это травы, поднимающие настроение и дающие жизненные силы. И туда добавлено варенье из *lampone*.³

– Здорово, – улыбнулась я.

Выпив эликсира, я задремала. Потом меня разбудили и велели поесть – отварной цыпленок, хлеб с маслом, вареные яйца и целую тарелку сушеных абрикосов. Я ела их и радовалась, что судьба все-таки милосердна. Может быть, я смогу выжить в Каstellо-дель-Мизерикордиа! Я так хочу жить! Я выучусь там всему, чему только можно, а потом как-нибудь убегу. У меня получится. Главное, никому не раскрывать своих намерений. Даже Белле. Ведь это она сказала, что каждый сам за себя.

Мне даже разрешили, в виде исключения, выходить на па-

³ Малина (ит.)

лубу! Это здорово подняло мое настроение. Я выходила, держась за руку мессире Марсино. Шторм давно закончился, и корабль шел полным ходом. Небо и море словно сияли под лучами щедрого солнца. Свежий ветер охлаждал щеки. Я любовалась парусами и небом, иногда мессире Марсино брал меня на руки, и я могла видеть море и линию горизонта. Боги, это было прекрасно! Столько простора, красоты и свободы! Каждый вечер, перед сном, я вызывала в памяти образ корабля, несущегося мне навстречу на всех парусах. И просила, просила!

– Богиня и боги! Кто-нибудь там, в небесах! Исполните мою молитву! Сделайте так, чтобы я всю жизнь провела на корабле! Взамен берите, что хотите. Правда, у меня ничего особо и нет...

Молясь так, я втайне мечтала, что кто-нибудь из команды решит оставить меня на корабле. Например, мессире Марсино. Да, сейчас я мала, как *bottone*,⁴ но я же вырасту! И, хоть ужасно не хочется, стану женой тому же мессире. Он добрый и ласковый. И мы будем вместе бороздить моря. Он научит меня своему делу, я смогу лечить матросов... А может быть, может быть, в меня влюбится сам капитан корабля! Он наверняка сказочно красив. Богат и родовит. Вот будет здорово! И однажды мы придем в порт Веккио, от которого рукой подать до моего родного кастелло. Я, конечно, уже большая – красавица с длинными волосами, в богатом платье – сяду на

⁴ Пуговица (ит.)

белоснежного коня, как и мой супруг, и мы поскачем к замку. Остановившись у подъемного моста, мы потребуем пропустить нас к хозяевам кастелло. Конечно, нас пропустят. В изящной красавице мои постаревшие отец и мать не смогут узнать свою дочь Норму. Они с почетом примут высоких гостей, велят накрыть парадный обед... Даже не пожалеют фамильных бокалов из розового хрусталя. Слуги нальют вина. Мы все поднимем бокалы и выпьем за хозяев кастелло. После обеда нас препроводят в зеленую гостиную, – там очень красиво, я помню! – и родители станут рассказывать мне и моему мужу, как они много лет назад бросили на произвол судьбы свою единственную дочь. Мол, сыновья выросли беспутными и глупыми, и мама с папой отдали бы всё, лишь бы вернуть дочку назад. И тогда я упаду перед ними на колени и воскликну: «Отец мой и мать моя! Это я, ваша дочь Норма, узнайте меня! Я выросла на корабле и стала женой благородного эль-капитано! Я прославила наш род многими морскими победами, ибо стою бок о бок со своим супругом!» Они поначалу не поверят. Но потом кровь даст о себе знать. Как же они зарыдают! Они упадут мне в ноги и станут каяться в своей жестокосердии. «О дочь моя! – скажет мать. – Я не была с тобой ласкова и приветлива, позволь мне теперь искупить свою вину!» И я, конечно, их прощу. Мы все обнимемся и пойдем гулять в сад, где расцветают апельсиновые деревья...

– Норма... Норма!

Я открываю глаза. На меня грустно и ласково смотрит мессире Марсино.

– Что? – одними губами спрашиваю я.

– Завтра, рано утром, мы пристанем к острову Инкубо.

– Как? Уже? – я начинаю трястись от страха.

– Не бойся. Всё будет хорошо. А сегодня ты поужинаешь со мной.

До ужина ли мне!

– Мессире Марсино, – отчаянно шепчу я. – Оставьте меня на корабле! Ну, пожалуйста!

– Такие вопросы решает только капитан...

– Скажите ему обо мне! Я готова выполнять любую работу! Я буду есть мало-мало!

Я спрошу его, – говорит мессире Марсино решительно. – Я тоже хочу, чтобы ты осталась на корабле. Со временем из тебя выйдет бы хороший лекарь.

Он выходит из лазарета, а я принимаюсь горячечно шептать:

– Пусть меня оставят на корабле! Ну пожалуйста, пусть меня оставят на корабле!

Я шептала эти слова как самую яростную молитву, пока умывалась и одевалась. Хотя, конечно, не хотелось снова натягивать на себя этот ужасный холстинный мешок с дырками для рук и головы. Но что поделаешь, другой одежды просто не было. Одно хорошо – холстина была выстирана и тщательно высушена на морском ветру. А самое удивительное –

я нашла на полу башмаки для себя! Их, видно, разыскал для меня и принес мессире Марсино. Конечно, они были мужские и мои ступни болтались в них, как горошина в стакане, но я хотя бы не была босая! Мессире Марсино заботится обо мне! Он меня не бросит!

Я прошла по лазарету, он был небольшим. Помимо коек для предполагаемых больных, здесь стояли сундуки с тяжелыми крышками, запертые на навесные замки. Видимо, в них хранились лекарства... И тут я увидела шкаф, через стеклянные дверцы которого тускло поблескивали позолотой корешки книг. Я ощутила непреодолимое желание полистать эти книги, хотя бы подержать их в руках! Книги казались мне существами из того мира, где царят счастье и справедливость, разум и мудрость. Ах, как жаль, что я не толком не умею читать!

Я коснулась створок шкафа. К моему радостному удивлению, они легко отворились. Я почувствовала запах выделанной кожи, каких-то трав или пряностей... Внимание мое привлек корешок одной книги – на нем была изображена фигурка человека. Понимая, что совершаю наглый поступок, я тем не менее осторожно вытащила книгу и, прижав ее как сокровище к груди, села на скамью перед невысоким круглым столиком. Водрузив книгу на стол, я несколько мгновений успокаивала расшалившееся сердце и боролась с волнением. Положила ладони на обложку, погладила книгу, как любимого котенка (которого у меня никогда не было), а по-

том открыла на первой странице.

Страница была заполнена ровными рядами изящных строк, сделанных темно-синими чернилами. Прописная буква в начале самой первой строки была выписана очень красиво: чернила были красными, букву обвивали виноградные лозы с листьями и гроздьями, а прямо над нею сидела, расправив крылья, удивительная птица с человеческой головой. И хотя рисунок этот был не больше куриного яйца, можно было увидеть каждое золотое перышко в крыльях диковинного существа. Но дальше, дальше!

Я перевернула страницу и увидела на другой изображение обнаженной мужской фигуры. Еще чего! Буду я на это глядеть, как же! Я перелистнула и ахнула: та же кропотливо нарисованная фигура, только очень жуткая – вся алая, в белых тонких полосках. Я помедлила, понимание пришло ко мне – это изображение человека без кожи. Так вот что скрывается под приятным глазу кожным покровом! Но как это назвать? Под рисунком была подпись, но я, увы, не могла ее прочесть! Досадно!

Следующая страница – ой, мама! Страшновато, конечно, но скелет-то я узнала: в одной из матушкиных комнат висел гобелен с изображением бога смерти. Он именно так и выглядел: скелет с ряззавленными челюстями. Только на гобелене у бога смерти были в костлявой руке ножницы – ими он перерезает нить человеческой жизни...

Значит, вот как – человек не сплошной, как камень. В нем

столько всего и это выглядит так сложно!

Я листала книгу как замороженная. Текста в ней было немного, зато какие рисунки! То это был изображенный в разрезе человеческий глаз, то глотка, то какие-то куски плоти, перевитые алыми и синими нитями. Мне казалось, я начала чуть-чуть понимать общий закон строения человеческого организма: это мудрость, расчет и *armonia*⁵. И мне ужасно захотелось стать существом, знающим все тайны человеческого организма. Тогда я могла бы видеть, где скрывается болезнь и как ее лечить. Я, подобно мессире Марсино, лечила бы людей. Я стала бы великой целительницей и бросила бы вызов самому богу врачевания!

Ах, как закружилась голова от счастья! В своих мечтах я видела, как вместе с лекарем прибываю в города, где ждут меня больные и страждущие. Я, лишь взглянув, определяю вид болезни и назначаю лечение. Когда приходит исцеление, меня прославляют, как воплощение самой Богини!

Я сидела, прикрыв глаза ладонками, вдыхая тонкий аромат старинной книги и внутренним оком созерцая свое блестящее будущее... И вдруг услышала тихий смех!

В ужасе я отняла ладони и увидела стоявшего прямо перед столом мессире Марсино Гоцци! Он глядел на меня и беззлобно посмеивался.

– О, мессире, – прошептала я. – Простите, я взяла вашу книгу...

⁵ Гармония (ит.)

– Ничего, доминика Норма, – он присел рядом. – Лучше скажи: какие чувства пробудило в тебе созерцание этих картин?

Я почувствовала, что мои щеки стали пунцовыми.

– Мессире, я подумала, что...

– Ну-ну, не стесняйся!

– Я решила, что стану великой целительницей! Я выучусь грамоте, изучу все науки, прочту все книги и буду исцелять людей!

– Благое намерение, – закивал корабельный лекарь. – Но пройдут годы, прежде чем ты сумеешь вылечить хотя бы угревую сыпь... Ведь врач отвечает за свои поступки, он не может ошибиться – потому что ошибка врача дорого обойдется больному.

– Клянусь вам, – выпалила я, краснея. – Что, если вы оставите меня на корабле и возьмете в ученицы, я смогу стать таким врачом. Ведь вы и ваши книги будете учить меня!

– Да, хорошо бы, – проговорил мессире Марсино. – Что ж, сегодня за ужином мы поговорим об этом с капитаном.

– А как зовут мессире капитана?

– Руаль Аккатабрига. Когда будешь обращаться к нему, можешь просто говорить «гранд-капитан».

– Хорошо, я запомню. А как называется этот корабль?

– «Intrepido».

– Бесстрашный... – перевела я со старолитанского. – Как же мне хочется быть в команде корабля с таким названием!

О, мессире...

– Это может решить только капитан, – вздохнул мой друг. – Будем надеяться на то, что он согласится взять тебя в команду. А пока давай я покажу тебе еще одну книгу. Это атлас целебных растений. Тебе понравится.

Мессире Марсино убрал в шкаф книгу по человеческой анатомии и достал не менее прекрасный альбом, обтянутый изумрудно-зеленым шелком. Мы раскрыли его и погрузились в изумительный мир лекарств, созданный самой природой. Показывая мне рисунок того или иного растения, мой друг объяснял, что в нем целебно – корень, стебель, цветки или плоды. Я жадно хватала эти знания и понимала, что они останутся со мной навсегда. Незатейливая ромашка облегчала кашель и желудочные колики, мята и мелисса улучшали настроение и снимали страх, толченый корень валерианы был незаменим при бессоннице... Были и опасные травы. Сок красавки, влитый в вино в должном количестве, мог вызвать разрыв сердца; настой волчьих ягод, выпитый с молоком, производил спазм глотки, и человек мог задохнуться. Было еще одно растение – цикута – источавшее сильнейший яд. Достаточно смазать кончик иглы этим ядом, царапнуть кожу – яд мгновенно вызывал мучительную смерть. Это я тоже очень хорошо запомнила.

– Ах, – вздохнул мессире Марсино, когда мы досмотрели книгу до конца. – Если боги помогут нам, и ты останешься на корабле, я передам тебе всё, что знаю. Я вижу в тебе искру

таланта и желания учиться. Это такая редкость среди детей и особенно девочек. Ты могла бы стать великой целительницей!

– И стану, мессире! – горячо воскликнула я. – Я стану, и вы будете гордиться мной!

– Отлично, – улыбнулся мой друг. – Пробили склянки. Ужин. Его накрыли для тебя в каюте капитана.

Он взял меня за руку и мы пошли в капитанскую каюту. На палубе всё сияло чистотой, паруса от закатного солнца казались розово-золотыми и, пока мы шли, я вертела головой во все стороны: старалась запомнить как можно больше всей этой красоты. Вдруг раздался резкий, пронзительный крик. Я подняла голову. Высоко над мачтами кружила белоснежная птица – это она пронзительно кричала.

– Что это за птица? – спросила я у своего друга.

– Моряки зовут ее «дольче кантерино» – «сладко поющая», – ответил мессире Марсино. – Это в насмешку. На самом деле эта птица никогда не поет, а только издает пронзительные вопли. Матросы верят, что увидеть эту птицу – к перемене ветра или судьбы.

– Значит, в наших судьбах грядут перемены? – с замиранием сердца спросила я.

– Надеюсь, – молвил мессире Марсино. – А может, просто ветер переменится...

Мы стояли у порога капитанской каюты. Мой друг постучал в украшенную затейливой резьбой дверь.

– Войдите! – раздался звучный голос.

Я затаила дыхание.

Мессере Марсино пропустил меня вперед, вошел следом и притворил дверь. Сначала мне показалось, что я просто умру на пороге от приступа жуткого голода, предательски скрутившего меня, едва мой нос уловил ароматы кушаний. Это же жареное мясо! И сладкий, тушеный с сыром, перец! И еще булки с корицей, о боги, как она пахнет! Я сглотнула слюну и вперила свой взгляд в рослого и крепкотелого мужчину, созерцавшего, в свою очередь, меня, этакую *pulce*⁶ в мешковинном платье. Да уж, в отличие от меня и даже от мессере Марсино, капитан Руаль Аккатабрига был разнаряжен, как какой-нибудь придворный щеголь. На нем был расшитый золотом пурпурный бархатный колет, черные атласные шоссы плотно облегали могучие ноги, да и по величине ботильон можно было понять, что перед тобой – гигант, прекрасный, как бог морей!

Однако я быстро вспомнила о вежливости и почтительно поклонилась. Аккатабрига не поклонился в ответ. Что ж, это понятно – кто я перед ним? Он по-прежнему, не говоря ни слова, смотрел на меня, и скоро это мне надоело. В конце концов, я почти семилетний ребенок, значит, имею право вести себя соответствующим образом, то есть, с любопытством глазеть по сторонам.

Посмотреть было на что! Капитанская каюта была рос-

⁶ Блоха (ит.)

кошно обставлена и украшена. Мое внимание привлёк небольшой кованый сундучок (могу поклясться, что в нём Аккатабрига хранит какие-нибудь редкостные драгоценности!)

А ещё была картина. Такую точно бы не повесили в нашем благонравном кастелло. На картине обнажённая женщина удивительной красоты спала на ложе из трав и цветов. Ива склоняла над ней свои длинные ветви, тут же рос куст цветущих роз. Ой, а под кустом спал, положив лобастую голову на лапы, рыжий *cucciolo*⁷! Какой милый! Мне бы тоже очень хотелось завести славного и добродушного щеночка!

Капитан заметил мой взгляд, устремлённый на картину и спросил довольно резко:

– Что, нравится?

– Да, – ответила я.

– Тебе понравилась женщина?

– Нет, мне понравился щенок. И ещё розы.

– Чего ждать от несмышлёной девочки! – рассмеялся капитан, видимо, удовлетворённый моим ответом. – Между прочим, это самая знаменитая и самая распущенная красавица Старой Литании. Разве тебе не хотелось бы быть похожей на нее?

– Я некрасивая, – пожав плечами, сказала я. – И, когда я вырасту, я никому не позволю смотреть на мою наготу. Мне это неприятно.

⁷ Щенок (ит.)

– Ты строгих правил, – усмехнулся Аккатабрига. – И зовут тебя Норма – «правильная». И тебе всего шесть лет?

– Почти семь, гранд-капитан, – поправила я.

– Что ж, давайте поужинаем. Разговаривать можно и за едой.

Мессере Марсино помог мне устроиться на довольно высоком стуле, подложив на сиденье две подушки, чтоб я чувствовала себя удобно.

Мужчины тоже уселись. Мессире Марсино налил вина капитану и себе, а мне налил виноградного сока. Мелочь, а обидно. Я что, совсем малолетка?!

– Норма, думаю, ты проголодалась, поэтому бери, что пожелаешь себе на тарелку. Прислуживать тут некому.

Я поблагодарила и немедленно ухватила двузубой серебряной вилкой отличный кусок жареного мяса с пряностями. Потом добавила ломоть пышного ноздреватого хлеба и треть головки маслянистого сыра. Ой, как же я проголодалась!

Мужчины меж тем выпили и принялись поглощать печеных каплунов с маслинами. Некоторое время торжествовала тишина, нарушаемая лишь постукиванием вилок о тарелки да нежным звоном подвешенных к потолку стеклянных колокольчиков, раскачивающихся при каждом движении корабля. Аккатабрига проследил за моим взглядом и сказал:

– Эти колокольчики я привез из Чайны, далекой страны за океаном. Там много разных диковин...

– Я бы тоже хотела побывать в этой стране, гранд-капи-

тан, – осмелев от сытости, сказала я.

Он улыбнулся в свою густую бороду.

– Об этом мы поговорим после ужина, – молвил Аккатабрига.

И мне сразу расхотелось есть. Впрочем, отсутствие аппетита не помешало скромной девочке Норме умять с полдюжины тушеных с сыром перцев.

Наконец мы встали из-за стола. Капитан устроился в кресле, мы с мессире сели напротив. На широкой ручке кресла Аккатабриги стоял красивый деревянный ящичек, распространяющий приятный аромат. Капитан открыл его и протянул Марсино:

– Угощайтесь, дотторе!

Марсино взял толстую коричневую палочку (ой, я уже видела такую у подшхипера Паоло Гордони!) и поблагодарил капитана. Тот также вооружился коричневой палочкой и поставил ящичек на место. От горевшей свечи он поджег конец палочки, потом это сделал дотторе. И они принялись дымить, видимо, наслаждаясь таким времяпровождением.

– Простите, гранд-капитан, – несмело начала я. – Можно мне спросить?

– Конечно, – кивнул Аккатабрига, вдыхая дым.

– А что вы сейчас делаете? Ну, дым...

– Ха-ха! Малютке интересно! Это излюбленное мужское занятие – мы курим сигары. Есть такое растение – табак, его выращивают краснокожие дикари на островах Келькоатль.

Там жарко, как в раскаленной печи. Они собирают листья табака, высушивают их особым способом, а потом продают купцам, приплывающим на кораблях из разных стран. У купцов же листья покупают табачные гильдии и делают из этого сырья замечательные сигары. Курить очень приятно. Это поднимает настроение, рождает интересные мысли и позволяет убить время, если его слишком много. Ясно?

– Да, гранд-капитан. А женщины могут... курить?

– Еще не хватало! Это сугубо мужское занятие, детка. Женщина должна заниматься домом и детьми, шить, прясть и так далее. Разве не так?

– Не так! – горячо возразила я. – Я вот, когда вырасту, не выйду замуж и не буду рожать всяких писклявых малюток!

– Но что ж ты будешь делать тогда? – усмехнулся в усы Аккатабрига. – В чем будет смысл твоей жизни? Ведь в каждой жизни есть смысл.

– Я... я буду капитаном! Как вы, господин! Или целительницей, как мессире Марсино. Только позвольте мне остаться на вашем корабле!

Я стиснула руки так, что побелели костяшки пальцев и с мольбой смотрела на Аккатабригу, ожидая его решения.

– Забавная ты девочка, однако, – раздумчиво сказал капитан «Бесстрашного» и затянулся сигарой. – Что с тобой делать, ума не приложу...

– Давайте оставим ее, капитан, – промолвил дотторе. – У нее есть задатки целительницы, ее ум и память цепки, как

абордажные крючья! Я научу ее всему, что знаю, а когда она вырастет, пусть решает, остаться ли ей в команде или сойти на берег и открыть лечебницу. У меня есть небольшой капитал, и я готов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.